

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 5 мѣсяцевъ	8 франк.
» 3 мѣсяца	5 »
» 2 мѣсяца	3 »
» 1 мѣсяць	2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое АВГУСТА 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Отъ Редакціи. — 2) По поводу прекращения газеты «Земство». — 3) Безспіе самодержавнаго народничества. — 4) Фабричный законъ въ Россіи, П. С. — 5) Безцеремонность г. Каткова и его лжесвидѣтелей, М. Драгоманова. — 6) Корреспонденция «Вольнаго Слова»: а) Изъ еврейской среды, М. — б) Finis Herzegovinas (открытое письмо къ редактору) М. Драгоманова. — в) Национальный праздник во Франціи. — 7) Русскій кулакъ и болгарская свобода, М. Драгоманова. — 8) Итальянская книга о русскихъ революціонерахъ. — 9) Два конгресса социалистовъ (окончаніе). — 10) Извѣстія и замѣтки: убійство въ Петергофѣ; приговоръ надъ подполковникомъ Филипповымъ; въстановленіе распорядка 3 апрѣля 1880 г. о евреяхъ; административная опека надъ фельдмаршаломъ и генералъ-инспекторомъ кавалеріи; новый политическій процессъ; поправка; новая помѣща въ владѣніяхъ бывшаго короля Ганноверскаго. — 11) Опечатки.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Открыта подписка на «ВОЛЬНОЕ СЛОВО» на ПЯТЬ мѣсяцевъ, съ 1-го августа по 1-ое января 1883 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На ПЯТЬ мѣсяцевъ	8 фр.
» первые ТРИ мѣсяца:	
августъ, сентябрь и октябрь	5 »
» послѣдніе ДВА мѣсяца:	
ноябрь и декабрь	3 »
» одинъ мѣсяць	2 »

ЖЕНЕВА, 1 августа 1882 г.

Издававшаяся въ Москвѣ подъ редакціей г-на Скалона газета «Земство» прекратила свое существованіе, главнымъ образомъ, по невозможности свободно обсуждать жизненные вопросы самоуправленія и откровенно высказываться о неподѣляемости показныхъ преобразованій, совершенныхъ «народниками» павшаго министерства внутреннихъ дѣлъ, каковы никого неудовлетворяющія правительственные мѣры по пониженію выкупныхъ платежей, по обязательному выкупу, по учрежденію крестьянскаго поземельнаго банка и по приступу къ упраздненію по-

душной подати. Въ эпоху «народной политики», смѣнившую «новыя вѣянія», заявляетъ редакція, «какъ только земскія собранія дѣлали попытку отвѣтить на предложенные имъ правительствомъ вопросы исполнѣ откровенно, безъ недомолвокъ, на ихъ отзвывы налагалось veto, притомъ, въ формѣ, дотолѣ не употреблявшейся, не установленной закономъ. По указанію свыше, губернаторы, вопреки 9-й, 94-й и 96-й ст. «Полож. о земск. учр.», стали собственною властью признавать заключенія земскихъ собраній «недѣйствительными», не подлежащими дальнѣйшему производству. Такая участь, какъ извѣстно, постигла отзвывы на циркуляръ графа Лорисъ-Меликова губернскихъ собраній Тверскаго, Херсонскаго, Новгородскаго, Смоленскаго и др.» Но чтобы эти неугодные министру внутреннихъ дѣлъ отзвывы не попали въ печать и не дошли бы такимъ образомъ до свѣдѣнія даже другихъ министровъ, статсъ-секретарей и генералъ-адъютантовъ государственнаго совѣта, министръ внутреннихъ дѣлъ приостановилъ дѣйствіе той части закона 13-го іюня 1867 года, которою наказаніе виновныхъ въ напечатаніи отчетовъ о засѣданіяхъ общественныхъ собраній безъ разрѣшенія губернскаго начальства предоставлялось суду и тѣмъ сдерживался до нѣкоторой степени произволъ администрации: 28 мая 1881 года послѣдовало распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати, которымъ безцензурнымъ изданіямъ запрещалось опубликованіе, безъ разрѣшенія губернскаго начальства, постановленій общественныхъ собраній, подъ угрозою приостановки виновныхъ изданій на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. По мнѣнію редакціи газеты «Земство», «за невозможностію обжалованія», распоряженіе это «сдѣлалось обязательнымъ, не смотря на то, что имъ фактически отмѣнялся законъ, и установ-

ленная послѣднимъ судебная отвѣтственность замѣнялась административною». Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. «Невозможности» обжаловать такое распоряженіе администрации, которымъ отмѣнялся бы законъ, не существуетъ даже и въ Россійской имперіи: нужно только быть ревнивымъ къ своимъ правамъ и никому не позволять себѣ наступать на погу*). Наше безправное состояніе потому и длится безконечное время, что между общественными дѣятелями весьма мало людей, готовыхъ отстаивать самимъ закономъ дарованныя гарантіи противъ произвола начальствующихъ самодуровъ. Свобода завоевывается шагъ за шагомъ, не уступая ни одной пяди назадъ изъ пройденнаго пространства, и никогда добровольнымъ самозакланіемъ, а стойкостію въ требованіяхъ справедливости и законности.

Помѣщаемъ вслѣдъ за симъ замѣтку о новообъявленномъ законѣ, регулирующемъ работу дѣтей на фабрикахъ въ Россіи. Авторъ ея приходитъ къ заключенію, что во всякомъ случаѣ хорошо, что положено хотя начало столь важному дѣлу,—но онъ же показываетъ всю недостаточность названнаго закона, по сравненію его не только съ теоретическими требованіями справедливости и общаго блага, но даже съ существующими на этотъ счетъ законами въ западной Европѣ.

Эта недостаточность прекрасно обличаетъ всю фальшь той идеи, которая въ послѣднее время пускается въ ходъ не только въ журналахъ московскаго консервативнаго и реакціоннаго направленія, но даже въ нѣкоторыхъ петербургскихъ изданіяхъ радикальнаго направленія, а именно идеи о томъ, что молъ въ Россіи

*) Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, достаточно было бы подать жалобу въ сенатъ, который прямо обязанъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ и отмѣнять неправильныя распоряженія министровъ и главныхъ управленій.

царское самодержавіе, не стѣсняемое парламентарнымъ представительствомъ, можетъ тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе слѣдовать «народной политикѣ», благопріятной чернорабочимъ массамъ.

Обратившись къ новому закону, изданному самодержавною властію, увидимъ, во первыхъ, что эта власть далеко не торопилась его составленіемъ. На настоятельность сколько нибудь человѣческаго фабричнаго закона указывала уже два десятка лѣтъ именно либеральная печать; объ ужасной эксплуатаціи рабочихъ съ дѣтскаго возраста, объ отсутствіи для нихъ всякихъ образовательныхъ учреждений и даже о преслѣдованіи рабочаго, читающаго книжку, говорили надъ самымъ ухомъ правительства рабочіе, привлеченные къ суду за участіе въ социалистическихъ кружкахъ, какъ, напр., осужденный въ Сибирь въ 1877 г. рабочій Петръ Алексѣевъ. И что же? Торопилось ли правительство сколько нибудь облегчить участь рабочихъ? Не призывало ли оно для внушеній въ III отдѣленіе даже самыхъ скромныхъ редакторовъ газетъ, осмѣлившихся печатать чисто-фактическія корреспонденціи о положеніи рабочихъ на фабрикахъ? Не дѣлали ли карьеру и не восхвалялись ли въ официальныхъ и консервативныхъ газетахъ тѣ прокуроры, которые громили на процессахъ социалистовъ —противниковъ правительства, между прочимъ такою аргументаціею, — что молъ рабочій вопросъ существуетъ только на Западѣ, а у насъ его нѣтъ и быть не можетъ?

Но скажутъ, — и говорятъ, — время игнорирования правительствомъ рабочаго вопроса прошло, а разъ взялось за этотъ вопросъ правительство всемогущее, ничѣмъ не стѣняемое, оно можетъ сдѣлать много. Зачѣмъ же вспоминать старое, зачѣмъ разными конституционными поповеніями, которыя еще, богъ вѣдаетъ, не доведутъ ли страну до пущаго господства капиталистическихъ классовъ, — мѣшать правительству «дѣлать дѣло»?

Мы думаемъ, что и «старого» не слѣдуетъ никогда забывать, — между прочимъ и для того, чтобъ не ошибиться въ расчетахъ на новое, — и тотъ фактъ, что русское правительство упорно не хотѣло признавать рабочій вопросъ въ Россіи и медлило даже и съ такими мѣрами по этому вопросу, какъ недавно обнародованная, — мы считаемъ за фактъ, котораго очень не слѣдуетъ забывать тѣмъ, кто рассчитываетъ на скорость удовлетворенія насущныхъ нуждъ страны самодержавнымъ правленіемъ.

Но въ новомъ законѣ есть поученіе и противъ другой половины мечты о «народной политикѣ» самодержавныхъ влестелиновъ. Оказывается, что законъ, изданный царемъ въ Россіи гораздо менѣе «народенъ», чѣмъ законъ не только федеральной демократической республики, Швейцаріи, но даже чѣмъ законъ буржуазно-аристократической конституционной монархіи, Англіи. Въ довершеніе всего, и этотъ законъ обреченъ остаться на бумагѣ, такъ какъ съ самаго начала приложеніе его или неприложеніе оставлено на усмотрѣніе бюрократіи по ея соглашенію — съ фабрикантами же!

Дѣло въ томъ, что самодержавіе и бюрократія, — въ которой самодержавіе только и можетъ проявляться, — по существу своему, радикальны и смѣлы только въ постановленіи преградъ для самостоятельной дѣятельности населенія; въ дѣлѣ же органическихъ реформъ они всегда медленны, трусливы, непослѣдовательны и невѣжественны. Исторія сборовъ русскаго самодержавія къ отмѣнѣ крѣпостнаго права и самой отмѣны его Александромъ II вполне подтверждаетъ это положеніе. Страшась за свое существованіе и не зная настоящаго положенія дѣлъ, Александръ II производилъ названную реформу, окруженный призраками, съ одной стороны, «революціонной черни, предводимой демагогами», а съ другой, конспирирующаго дворянства, результатомъ чего и вышли всѣ промахи положенія 19 февраля въ замыслѣ и въ исполненіи его. Теперь Александръ III, напуганный страхомъ социальнореволюціоннаго движенія, беретъся благодѣтельствовать рабочихъ, но въ то же время труситъ передъ московскими и владимірскими Кить-Китычами, — и выходитъ этотъ уродецъ, какой разобранъ ниже, какъ фабричный законъ въ Россіи.

Конечно, и самоуправленіе не можетъ теперь рѣшить рабочаго вопроса радикально. Жизнь вообще мало благопріятствуетъ моментальному радикализму и превращаетъ всякое поступательное движеніе въ рядъ компромиссовъ. Но компромиссы, порожденные на почвѣ общественной самодѣтельности и самоуправления имѣютъ передъ измышленіями бюрократіи преимущество дѣйствительной практичности, непосредственнаго примѣненія, безповоротности и способности непрерывно совершенствоваться вмѣстѣ съ ростомъ самихъ лицъ, которыя ихъ придумываютъ и прикладываютъ къ дѣлу. Только такіе компромиссы есть дѣйствительно что нибудь, а не бумажное ничто.

ФАБРИЧНЫЙ ЗАКОНЪ ВЪ РОССІИ.

Послѣ долгихъ и напрасныхъ ожиданій, русское правительство наконецъ рѣшилось таки приступить къ ограниченію дѣтскаго труда на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Къ этой цѣли стремится недавно вышедшее въ свѣтъ «мнѣніе государственнаго совѣта о малолѣтнихъ на заводахъ, фабрикахъ, мануфактурахъ». Съ положительной стороны мнѣніе это если чѣмъ и отличается отъ различныхъ западныхъ законодательствъ, то развѣ мелочами, достоинства и недостатки которыхъ можетъ обнаружить только практика. Что же касается до отрицательной стороны новаго постановленія, то она очерчивается отсутствіемъ всякихъ мѣропріятій относительно женщинъ и взрослыхъ рабочихъ, относительно фабричной гігіены, безъ соблюденія которой, никакія ограниченія рабочаго времени не будутъ имѣть смысла, и вообще отсутствіемъ весьма важныхъ подробностей, которыя бы свидѣтельствовали, что законъ составленъ на основаніи продолжительнаго изученія дѣла. Нечего и говорить, что этотъ послѣдній недостатокъ открываетъ самое широкое поле для произвольныхъ толкованій заинтересованными лицами каждаго отдѣльнаго случая примѣненія будущаго закона.

Дѣти, не достигшія 12 лѣтъ отъ роду, по новому закону, къ работамъ не допускаются. Малолѣтніе въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы работою болѣе 8 часовъ въ сутки, не включая времени потребнаго на завтракъ, обѣдъ, ужинъ, посѣщеніе школы и на отдыхъ. При этомъ работа не должна продолжаться долѣе 4 часовъ сряду. Малолѣтніе, имѣющіе менѣе 15 лѣтъ отъ роду, не могутъ быть занимаемы работою между 9 часами вечера и 5 часами утра, а также въ воскресенье и въ высокосторженныя дни. Малолѣтнихъ послѣдней категоріи, сверхъ того, воспрещается допускать къ такимъ производствамъ или отдѣльнымъ работамъ, которыя, по своимъ свойствамъ, вредны для здоровья малолѣтнихъ или должны быть признаваемы изнурительными. Въ Англіи, какъ извѣстно, дѣти отъ 10 до 14 лѣтъ работаютъ не болѣе 6 часовъ въ день и только въ исключительныхъ случаяхъ 7, чего было бы, повидному, совершенно достаточно и для Россіи. Еще либеральнѣе англійскаго оказывается швейцарское законодательство, которое запрещаетъ фабричную работу дѣтямъ до 14 лѣтняго возраста и тѣмъ предоставляетъ имъ возможность пройти не только чрезъ начальную, но и чрезъ секундарную школу.

Отсутствіе всякаго опредѣленія характеристики фабрики, мануфактуры и завода въ русскомъ законѣ неизбежно повлечетъ за собою всевозможныя кривотолки въ обыденныхъ хозіевъ и инспекторовъ, отъ которыхъ не позоворится малолѣтнимъ рабочимъ.

Посѣщеніе фабричными малолѣтними школы не менѣе 3 час. въ день или 18 часовъ въ недѣлю превышаетъ на одну часть въ день установленный минимумъ въ Англіи.

Инспекція, состоящая изъ нѣсколькихъ инспекторовъ и одного главнаго инспектора, напоминаетъ бы собою отчасти англійскую, если бы не іерархія и не полное подчиненіе министерству финансовъ, которыя сдѣлаютъ изъ инспекторовъ простыхъ бюрократовъ и чиновниковъ. Всего-бы лучше было поручить избраніе инспекторовъ земству и придать имъ совершенно независимое положеніе.

Столь же мало удовлетворительнымъ въ смыслѣ самостоятельности дѣйствій инспекторы представляется то постановленіе, въ силу котораго инспекторы составляютъ протоколъ о нарушеніяхъ постановленій о занятіяхъ малолѣтнихъ рабочихъ и о посѣщеніи ими начальныхъ училищъ, при участіи чина мѣстной полиціи, и обвиняютъ на судѣ виновныхъ въ совершеніи означенныхъ проступковъ, что и мѣшаетъ и право поручать чинамъ мѣстной полиціи. Не думаемъ, чтобъ непосредственное участіе высшей русской полиціи могло бы сколько нибудь облегчить долю надзора, — оно скорѣе повредитъ ему, связывая руки инспекторамъ и при-

давая живому дѣлу бюрократическ-мертвый и далеко не всегда справедливый характер.

Подробныя указанія относительно обязанностей и порядка дѣйствій инспекторовъ устанавливаются особою инструкціею, утверждаемою министромъ финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Опасаемся, что подобныхъ указаній наберется дѣлѣй томъ, которому было бы лучше получить силу закона, нежели быть результатомъ соображеній одного только министра финансовъ.

Дѣйствіе учреждаемой на основаніи настоящихъ правилъ инспекціи не распространяется (?) на заводы, фабрики и мануфактуры, принадлежащія казнѣ или правительственнымъ установленіямъ. Въ этихъ заведеніяхъ надзоръ за соблюденіемъ постановленій о работѣ и объ ученіи малолѣтнихъ возлагается на тѣхъ должностныхъ лицъ, которымъ ввѣрено управленіе заведеніями и которымъ, прибавимъ, можетъ быть весьма выгодно именно несоблюденіе означенныхъ постановленій.

Но всего лучше—ограниченія только что введенной мѣры въ теченіи двухъ лѣтъ по вступленіи ея въ дѣйствіе: предоставить министру финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ допускать въ случаѣ надобности къ работамъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ такихъ малолѣтнихъ, которые имѣютъ не менѣе 10 лѣтъ отъ роду; разрѣшать малолѣтнимъ, находящимся въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, ночную работу въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ это, по роду производства, оказывается необходимымъ и не можетъ (?) причинить вреда здоровью малолѣтнихъ, съ тѣмъ, однако ограниченіемъ, чтобы ночная работа не продолжалась долѣе 4 часовъ въ сутки; распространять настоящее узаконеніе на тѣ ремесленные заведенія, къ которымъ примѣненіе его признано будетъ возможнымъ и полезнымъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ англійское законодательство гораздо болѣе благоприятствуетъ интересамъ рабочихъ, чѣмъ русское. Прежде всего, правило, что дѣти не должны работать ранѣе 10 лѣтъ отъ роду, не терпитъ въ Англіи никакихъ исключеній; во вторыхъ, относящихся къ ночной работѣ, исключеніе допускается только по отношенію къ подросткамъ мужскаго пола (отъ 14 до 18 лѣтъ) и только въ примѣненіи къ доменнымъ печамъ, желѣзодѣлательнымъ заводамъ, типографіямъ и писче-бумажнымъ фабрикамъ.

Изъ того, кто именно будетъ рѣшать вопросъ относительно необходимости и здоровья вліянія на малолѣтнихъ 12—15 лѣтн. возраста ночной работы, а также вопросъ о степени распространенія дѣйствія новаго закона на ремесленные заведенія,—можно видѣть, что исполнительная сторона означенныхъ мѣропріятій не будетъ отличаться отъ нынѣшней системы господствующаго всюду административнаго произвола, со всѣми его вредными послѣдствіями. Вообще говоря, надежды, возбуждаемыя закономъ, о трудѣ малолѣтнихъ не идутъ дальше того, что уже осуществилось въ Германіи, гдѣ «фабричнымъ инспекторамъ» не предоставляется ни достаточнаго вліянія, ни достаточнаго круга дѣйствій и гдѣ въ фабричные инспекторы избираются люди, о которыхъ извѣстно, что они не сдѣлаютъ ничего худаго работодателямъ. Но хорошо ужъ и то, что положено начало дѣлу, о которомъ еще недавно администрація не хотѣла и слышать.

П. С.

БЕЗЦЕРЕМОННОСТЬ Г. КАТКОВА И ЕГО ЛЖЕСВИДѢТЕЛЕЙ.

Извѣстна и даже въ своемъ родѣ достойна подражанія настойчивость и цѣпкость г. Каткова въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Но менѣе извѣстна вся степень безцеремонности пріемовъ его настойчивости, въ ряду которыхъ широкое мѣсто занимаетъ самая беззастѣнчивая ложь. Особенно усиливаетъ г. Катковъ этотъ пріемъ, когда, подведши мину подъ официальные сферы, въ кото-

рыхъ ему пужно провести извѣстную мѣру, онъ въ то же время, по большей части благодаря официальнымъ же воздѣйствіямъ благоприятныхъ ему лицъ, — чувствуетъ себя обезпеченнымъ отъ возможности встрѣтить въ русской печати обличенія лжи, какъ его собственной, такъ и имѣющихся у него на такіе случаи «настоящихъ лжесвидѣтелей», своего рода «начальныхъ очевидцевъ» въ бракоразводныхъ процессахъ.

Въ послѣднее время, послѣ новыхъ министерскихъ назначеній, г. Деянова и гр. Дм. Толстого, у г. Каткова вновь загорѣлась надежда провести свою извѣстную университетскую реформу и для этого ему понадобилось очерпнуть, передъ кѣмъ слѣдуетъ, русскіе университеты и приписать всѣ дѣйствительныя и выдуманныя имъ темныя стороны той несчастной доли автономіи, какая дана имъ по уставу 1863 г. Зналъ пріемы дѣйствія г. Каткова, можно было напередъ предсказать, что не совсѣмъ обычная исторія нашей службы въ кievскомъ университетѣ, конечно, по выбору отъ университетской коллегіи, кончившаяся отставкой по т. наз. 3-му пункту, съ восхожденіемъ дѣла «на Высочайшее усмотрѣніе», должна была быть эксплуатируема г. Катковымъ въ его кампаніяхъ противъ университетской автономіи, — и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе г. Катковъ могъ быть увѣренъ, что онъ не встрѣтитъ себя должнаго отвѣта, особенно передъ тою самою публикою, на которую онъ преимущественно рассчитываетъ.

И дѣйствительно, г. Катковъ переворачивалъ эту исторію нѣсколько разъ. Такъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ особенно налегалъ на университетскій вопросъ, онъ выдумалъ, будто въ кievскомъ университетѣ въ 1875 г. дошло было дѣло до такихъ студенческихъ «исторій», что министерство обязано было уволить двухъ замѣшанныхъ въ нихъ профессоровъ Д. и З. А между тѣмъ никакихъ «исторій» въ университетѣ кievскомъ тогда не было вовсе, — и доцентъ Д., т. е. нижеподписавшійся, былъ уволенъ среди полной тишины и при томъ такъ, что, если бы рассказать это дѣло подробно, то оказалось бы, что причиною этого удаленія не была не только университетская его дѣятельность, но даже и не вѣуниверситетская литературная работа по украинскому вопросу, а просто двѣ замѣтки въ разоблаченіе системы гр. Толстого и г. Каткова и устраиваемаго ими обмана общественнаго мнѣнія въ Россіи и въ Славянщинѣ. Доцентъ же З. вышелъ въ отставку вполне добровольно. Многочисленные учено-литературные труды его показываютъ, сколько потерялъ въ немъ кievскій университетъ, даже если не вспоминать того, что мѣсто его занялъ г. Пихно, извѣстный болѣе какъ редакторъ субсидируемаго «Кіевлянина», нежели какъ ученый.

На дняхъ наша дѣятельность въ кievскомъ университетѣ затронула была въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ «Изъ исторіи одного университета», написанной «настоящимъ лжесвидѣтелемъ», который выдаетъ себя за «печальнаго очевидца» нашихъ лекцій. *) Эти лекціи, которыми, по словамъ г.

*) Статьи «Р. В.—ка» и «Моск. Вѣд.» въ цѣломъ

настоящаго лжесвидѣтеля, мы приобрѣли было огромную популярность среди студентовъ, — были «въ научномъ отношеніи невѣжественны и бездарны», по за то мы ими проводили украинофильскую и революционную пропаганду, ухитрились читать, вмѣсто древней исторіи, о бытѣ дикихъ *) и по поводу Ассиріи говорить объ отдѣленіи Малороссіи **).

Мы избѣгаемъ полемики исключительно личной, не ведущей къ уясненію извѣстнаго мнѣнія. Но на этотъ разъ мы не можемъ промолчать, такъ какъ г. Катковъ, — который вовсе не просто помѣстилъ показанія своего лжесвидѣтеля въ своемъ журналѣ и перепечаталъ его съ приличными комментаріями въ своей газетѣ, — прямо и разчитывалъ на наше молчаніе.

Мы не станемъ говорить ни съ г. Катковымъ, ни съ его лжесвидѣтелемъ ни объ академической, ни о политической сторонѣ нашихъ лекцій, изъ содержанія которыхъ не мало напечатано въ публичное сужденіе. Скажемъ только вообще, что, конечно, въ наше время никакой профессоръ политической науки не можетъ не имѣть извѣстныхъ политическихъ идей, какъ выводовъ изъ фактовъ его науки, — но что именно «чистая наука», — которой мы всегда были и есмь поклонникомъ, — сама въ себѣ заключаетъ столько освободительнаго, что она не пуждается вовсе въ революціонныхъ фразахъ, чтобы производить свое дѣйствіе. Для характеристики же положенія этой науки въ Россіи мы прибавимъ, что, такъ какъ російскіе порядки пахнутъ стариною чуть не Древняго Востока и такъ какъ въ Россіи не признана свобода научнаго изслѣдованія (даже изъ той, по-видимому, невинной науки, которую мы преподавали, т. е. древней исторіи, цѣлые отдѣлы, напр., вся исторія евреевъ и вся исторія религіознаго развитія, считаются недоступными для литературы) — то въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть профессора филологическаго и юридическаго факультета (не исключая даже и профессора сравнительной лингвистики), читающаго свой предметъ сколько нибудь сообразно положенію науки въ Европѣ, — куда нашего

представляютъ только сводъ того, что уже года четыре поется на страницахъ «Кіевлянина», издаваемаго проф. Пихномъ, при субсидіи отъ правительства. Новаго въ нихъ добавлено, припоровительно къ новымъ экономическимъ вліяніямъ въ извѣстныхъ «сферахъ», только укеры кievскимъ профессорами за «совѣстительство» службы въ думахъ, банкахъ и т. п., которое, совѣстительство, поставлено тоже за счетъ университетской автономіи. Между тѣмъ этимъ совѣстительствомъ отличается въ кievскомъ университетѣ именно катковско-кievлянинская партія, и съ нимъ боролись именно «либеральные» и «украинофильскіе» элементы въ мѣстномъ обществѣ и университетѣ; катковско-кievлянинской, совѣстительской партіи принадлежатъ и недавнія тенденціозныя забаллотировки профессоромъ истор.-филологическаго факультета (уже по существу своему наименѣе грюндерскаго), научно-литературная дѣятельность которыхъ столь же очевидна, какъ очевидно безплодіе въ этомъ отношеніи катковско-кievлянинской партіи.

*) Удобнѣе предмета для революціонной пропаганды найти мы не ухитрились!

**) т. е. о томъ, о чемъ мы не говоримъ даже въ «Громадѣ»!

брата посылаютъ на казенный или университетскій счетъ доучиваться, — котораго бы нельзя было обвинить въ пропагандѣ противъ установленнаго порядка вещей и официальныхъ доктринъ Россійской имперіи, религиозныхъ, политическихъ и социальныхъ. Для скольконибудь знающаго дѣло на этотъ счетъ и сомнѣнія быть не можетъ! И это мы рекомендуемъ вниманію какъ г. Каткова, — который, впрочемъ, какъ бывший профессоръ, и самъ это долженъ знать, — такъ и тѣхъ государственныхъ людей, которые увлекаются идеею очистить русскіе университеты отъ неблагонамѣренныхъ учений, т. е. задачею, неосуществимою безъ совершенія надъ книгами въ Западной Европѣ операций, предложенной, — «чтобы зло пресѣчь», — полковникомъ Скалозубомъ.

Изъ предметовъ показаній г. катковского жесвида мы остановимся на предметахъ болѣе осязательныхъ, чѣмъ показаніе о научной солидности и революціонной пропагандѣ въ нашихъ лекціяхъ, — на сообщеніи о томъ, будто мы читали, вмѣсто древней исторіи, о бытѣ дикихъ и по поводу Ассиріи говорили объ отдѣленіи Малороссіи. — Наша программа лекцій древней исторіи напечатана была въ 1874 г. въ «Журн. Минист. по Нар. Просвѣщенію» въ статьѣ «Положеніе и задачи древней исторіи». Тамъ г. Катковъ и его жесвидѣтель найдутъ нѣкоторыя указанія на то, какое значеніе имѣетъ изученіе быта т. наз. дикихъ въ культурной исторіи вообще и въ частности — для объясненія культуры народовъ Древняго Востока и классическаго міра (особенно первыхъ его періодовъ, какъ равно и для начала средневѣковой исторіи), — если еще нужно доказывать въ настоящее время подобныя истины тѣмъ, кто беретъ на разсужданіе объ университетскихъ вопросахъ. Сообразно идеямъ, которыя мы изложили въ упомянутой статьѣ нашей — вступительной лекціи, читанной нами публично при началѣ втораго періода нашихъ чтеній въ киевскомъ университетѣ (въ полбрѣ 1873 г.), — нашъ курсъ древней исторіи, рассчитанный на 8 семестровъ, распредѣлялся такъ: одинъ семестръ — обзоръ исторіи историографіи и философіи исторіи, преимущественно древняго міра, одинъ семестръ — исторія первобытной культуры (дикихъ), два семестра исторія Древняго Востока, столько же — Эллады и столько же — Римскаго Государства. Почти по такому плану и выполненъ былъ нами цѣлый курсъ въ 1866—1870 г. въ первый періодъ чтеній нашихъ до заграничной командировки; во второй же періодъ, съ к. 1873 г. по первый семестръ 1875 г. включительно, мы успѣли выполнить только третью часть нашего курса, — и остановили его по манію свыше, данному безъ вліянія и г. Каткова, — какъ разъ при началѣ чтеній объ Ассиріи!! Разборъ показаній классическихъ писателей, Геродота и Ктеюса, объ Ассирии-Вавилоніи былъ послѣднею нашею лекціей въ Киевскомъ университетѣ при началѣ втораго семестра 1875 г. По истинѣ, надо быть очень мало хитрымъ

человѣкомъ, чтобы вставить въ эту лекцію разговоръ объ отдѣленіи Малороссіи!

Если уже зашла рѣчь о нашемъ курсѣ объ Ассиріи, то мы укажемъ еще на одно обстоятельство. Характеръ лекцій профессора въ значительной степени опредѣляется тѣмъ учебникомъ, какой онъ рекомендуетъ студентамъ для экзамена. Для древняго Востока у насъ былъ такимъ учебникомъ большой курсъ Лепормана (въ прежнихъ изданіяхъ три тома), который мы и начали печатать при киевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ въ переводѣ нашихъ слушателей и съ нашими примѣчаніями. Переводъ этотъ, оконченный однимъ изъ этихъ слушателей уже послѣ нашего отъѣзда за границу, служить и до сихъ поръ единственною книгою на русскомъ языкѣ, въ которой обстоятельно изложены результаты научной работы по этой области въ Западной Европѣ, — и въ этой послѣдней ни одна газета, а тѣмъ болѣе университетская и издаваемая бывшимъ профессоромъ, не позволила бы себѣ дурно говорить о курсѣ, студенческимъ пособіемъ при которомъ былъ бы — учебникъ Лепормана!

Кажется, довольно по вопросу собственно о нашемъ курсѣ въ киевскомъ университетѣ. Но г. Катковъ и его «очевидецъ» говоритъ еще и о другомъ «либеральномъ профессоре» этого университета, тоже добивавшемся популярности студентовъ, но тоже принужденномъ «оставить университетъ» и теперь «подвизающемся въ петербургской журналистикѣ». Интересно было бы прочесть подробную исторію и этого профессора, его двукратнаго появленія и двукратнаго оставленія киевскаго университета, — изъ какой исторіи ясно бы вытекло заключеніе, совершенно противоположное тому, какое хочетъ провести г. Катковъ, — заключеніе, дѣлающее честь и автономному совѣту киевскаго университета, — пока онъ еще не былъ деморализированъ толстовско-катковскими вліяніями, — а также и студентамъ, которыхъ г. Катковъ и его очевидецъ представляютъ себѣ такими ужъ баранами, которые сдуру награждаютъ популярностью бездарныхъ и невежественныхъ шарлатановъ. Но мы не станемъ пускаться въ подробности, а напомнимъ только о томъ, что этотъ профессоръ былъ избранъ совѣтомъ к. у. — та въ довереніе, при благоприятныхъ къ нему отношеніяхъ г. Делянова, тогда товарища министра нар. просвѣщенія и кн. Ширинскаго-Шихматова, киевскаго попечителя, желавшаго устраненія изъ киевскаго университета преподавателей съ мѣстнымъ духомъ. Пріѣхавши въ Кіевъ, этотъ доцентъ въ присутствіи попечителя прочелъ вступительную лекцію, исполненную самыхъ чистопростныхъ катковско-аксаковскихъ идей, которыя онъ выдавалъ за «эллинно-визангійско-славянскія» и которыя были совершенно не катанъ въ курсѣ объ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Мѣсяцевъ черезъ 8 — этотъ доцентъ баллотировался въ экстраординарнаго профессора, — но получилъ 22 черныхъ противъ 9 бѣлыхъ шаровъ, — и подалъ въ отставку. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ забаллотированный доцентъ явился въ Кіевъ, назначенный гр. Толстымъ при-

мо въ ординарные профессора, и въ скоромъ времени на одномъ публичномъ диспутѣ провозгласилъ какъ научную истину, что въ польской націи нѣтъ вовсе понятія о чести. Но немного спусти, между ними и студентами произошла та исторія, на которую намекаетъ «Р. Вѣстникъ» и «Моск. Вѣдомости», возникшая изъ за слуха, что будто начальство слѣдитъ за лекціями этого профессора, какъ за, будто бы, слишкомъ либеральными. Поднялось, какъ говорятъ «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости», «студентское слѣдствіе», — и профессоръ оставилъ университетъ (прибавимъ: безъ шума, послѣ вакацій) — и теперь дѣйствительно «подвизается въ петербургской журналистикѣ», — въ лагерѣ, теперь противномъ г. Каткову.

За это послѣднее ему и достается теперь отъ г. Каткова. Онъ теперь записанъ въ шарлатаны, добивавшіеся «буржуазнымъ либерализмомъ» студенческой популярности. Но не такъ честился у г. Каткова этотъ профессоръ прежде, когда онъ былъ названъ гр. Толстымъ киевскому университету, вопреки совѣту послѣдняго, и когда онъ служилъ цѣлямъ г. Каткова подобно тому, какъ служилъ имъ теперь авторъ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» или же, напр., изъ киевскихъ профессоровъ г. Пихно, редакторъ «Кіевлянина». Тогда этотъ профессоръ былъ «однимъ изъ достойнѣйшихъ, европейски извѣстныхъ ученыхъ, которыхъ-де систематически забаллотировываетъ киевская университетская палата лордовъ»; — тогда г. Катковъ печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» его статьи съ именуваніями на другихъ профессоровъ киевскаго университета, въ томъ числѣ и на нижеподписавшагося... А теперь этого бывшаго своего подручника г. Катковъ впридачу въ одну колесницу съ этимъ послѣднимъ...

И вотъ, такими то приѣмами г. Катковъ всегда проводилъ свои планы благотворительнаго положенія, которое занимаетъ теперь въ извѣстныхъ сферахъ! Лично г. Каткову идти дальше уже некуда; онъ стоитъ уже передъ началомъ осуществленія второй послышны украинской посылки: «брех-не жу свѣтъ проїдеш, та назадъ не вернешься!» Посмотримъ, куда то онъ заведетъ тѣ сферы, которыя ему доверились.

М. Драгомановъ.

Р. С. Расписавшись, г. Катковъ, вѣдѣ за своимъ жесвида, пришелъ почесать то къ университетскому вопросу и вопросы національные, которые были на снѣтѣ (и въ частности въ Кіевѣ) и до университетовъ и будутъ существовать при всякомъ университетскомъ уставѣ. Написавъ, что ему издумалось, о полякахъ и украинифилахъ, г. Катковъ оканчиваетъ свою статью выпискою изъ показаній жесвида: «Мнѣ всѣхъ національностей и болѣе другихъ преемодушными оказались студенты Великороссіи. Въ ожиданіи всеобщихъ благъ отъ осуществленія своихъ идеаловъ, они всею добродушно уступали свое отечество полякамъ и украинифиламъ»... — Послушай, при-

да знай же мѣру! Кто же когда изъявлять претензію на отечество великороссовъ?!

ИЗЪ ЕВРЕЙСКОЙ СРЕДЫ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»)

Сообщенные мною въ предыдущихъ письмахъ *) факты относятся болѣею частью къ настоящему, страшно-тяжкому для евреевъ времени. И хотя такіе люди, какъ описанный мной М., и не зарождаются при дребезгѣ разбиваемыхъ стеколъ, грохотѣ обрушивающихся крышъ, стопахъ опозоренныхъ женщинъ, убиваемыхъ мужчинъ, — но все таки читатель можетъ усомниться въ томъ, нашелъ ли бы этотъ честный мечтатель приверженцевъ и адептовъ для своихъ идей во всякое другое время, т. е. оказалась ли бы способной еврейская масса въ воспріятію такихъ идей во всякое другое время. Поэтому, оставляя на время самоновѣйшую эпоху еврейской жизни, передамъ нѣсколько фактовъ изъ той эпохи, когда за евреями еще не охотились на улицахъ, среди бѣлаго дня (несвяная же охота никогда не прекращалась). Факты эти, думаю, не лишены будутъ интереса тѣмъ болѣе, что они взяты изъ жизни самой ортодоксальной еврейской среды.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я очутился въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ А., Херс. губерніи, гдѣ состоялъ ученикомъ тамошней гимназіи. Тутъ то я спова столкнулся близко съ той еврейской массой, отъ которой былъ оторванъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Обстановка, нравы, съ которыми связано было мое дѣтство, предстали предо мною въ живою формѣ и привлекли мое вниманіе. Я сталъ сближаться съ еврейской средой, на которую теперь уже могъ смотрѣть критически, и нашелъ въ ней массу такихъ симпатичныхъ чертъ, о которыхъ я или совсѣмъ забылъ или о которыхъ не зналъ вовсе. Желая еще ближе познакомиться съ еврейскою массою, я во время лѣтнихъ каникулъ часто совершалъ путешествія въ ближайшіе городки, густо населенные евреями, болѣею частью ярыми «ортодоксами». Однажды очутился я въ маленькомъ, тоже уѣздномъ городкѣ Б. Подольской губерніи, который находится верстахъ въ пятидесяти отъ сдѣлавшейся въ послѣдніе дни всемірно знаменитой Балты.

Очутился я тамъ подъ субботу, которую и рѣшилъ тамъ провести. Такъ какъ я говорилъ съ евреями на нашемъ «жаргонѣ» (до чего рѣдко снисходитъ еврей, получившій хоть на три гроша образованія), то я на другой день имѣлъ уже болѣе половинныя города знакомыхъ. И всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на это чудовище въ блузѣ, съ бритой бородой, расхаживающее съ «нейсатыми» евреями и разговаривающее на «простомъ еврейскомъ языкѣ». Разъ сидѣлъ я на бульварѣ въ субботу, послѣ обѣда съ нѣсколькими новыми знакомцами. Мимо насъ прошелъ молодой человѣкъ, которому на видъ было лѣтъ сорока. Его задумчивый, углубленный видъ, всяма симпатичная наружность обратили на него все мое вниманіе. На мой вопросъ, — кто этотъ юноша, — мнѣ отвѣтили, что это зять одного очень уважаемаго и богатаго еврея, что онъ (юноша) самый лучший знатокъ Тал-

муда въ этомъ городѣ и что онъ, кромѣ того, отличается своей великою набожностью и прилежаніемъ въ изученіи теологической литературы, за которой проводитъ дни и ночи. Понятно, что мнѣ крайне захотѣлось поговорить съ этимъ юношей. Такъ какъ мнѣ сказали, что онъ неохотно подойдетъ или даже совсѣмъ не подойдетъ, если его подзывать, то я рѣшился подойти къ нему самъ. Чтобы найтти предлогъ, я попросилъ его, чтобы онъ мнѣ объяснилъ одно трудное мѣсто изъ библіи. Изъ его отвѣта, даннаго какъ то неохотно, но крайне серьезно, я увидѣлъ сразу, что имѣю дѣло съ ученымъ по своей специальности и съ человѣкомъ совершенно не отъ міра сего. Невмѣрныя успій стоило мнѣ влечь его въ разговоръ. Но наконецъ онъ такъ немного разговаривалъ. Когда я ему предложилъ сѣсть со мной въ уединенной аллеѣ, онъ съ какимъ то страхомъ посмотрѣлъ на меня, словно опасаясь, чтобы я не осквернилъ его. Нерѣшительно пошелъ онъ за мною. Мы сѣли и начали бесѣдовать. Говорили болѣе о религиозныхъ вопросахъ. Болѣе говорилъ я, указывая на ложное приписаніе Моисеевыхъ законовъ. «А вы развѣ вѣрите въ Моисея?» — спросилъ онъ меня робко, словно молодая дѣвушка, которая стыдливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ лукаво добивается извѣстнаго признанія. — «Я его считаю величайшимъ изъ всѣхъ людей, какихъ когда либо производилъ міръ», отвѣтилъ я горячо.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ величайшимъ удивленіемъ и даже недовѣрчиво. Ортодоксальный еврей привыкъ, что мнѣиціи себя образованнымъ евреямъ нахально и глупо сквернословить и ругаться надъ всѣмъ, что свято для еврейской массы.

«И въ библію вѣрите?» спросилъ онъ съ той же робостью.

— И библію считаю величайшею книгою книгъ, отвѣтилъ я такъ же горячо.

— «Въ такомъ случаѣ вы такой же еврей, какъ и мы всѣ», прибавилъ мой собесѣдникъ тихо *). Послѣ этого объясненія, онъ уже сталъ довѣрчивѣе ко мнѣ относиться. Мы бесѣдовали часа два. При этомъ онъ меня все разспрашивалъ, въ чемъ состоитъ «наши науки», для чего все это надо знать и т. д. Я ему, по мѣрѣ возможности, сталъ объяснять. Особенно же его поразило, когда я ему сказалъ, что всѣ лучшіе изъ учащихся и ученыхъ стремятся къ тому, чтобы простому бѣдному люду жилось лучше. Разстались мы съ нимъ часовъ въ 5 послѣ обѣда. Когда я часовъ въ 9 вечера выглянулъ изъ окна моей квартиры, я увидѣлъ Д. (такъ звали юношу) расхаживающимъ туда и сюда передъ нашимъ домомъ. Я вышелъ, и онъ сейчасъ подошелъ ко мнѣ съ привѣтливой, дружеской улыбкой. Я его позвалъ къ себѣ. У хозяина моей квартиры собралось человѣкъ двадцать

*) На этомъ примѣрѣ видна наглядно вся фальшь т. наз. народничества, еврейскаго, какъ и всякаго другаго. Можно ли, не отказываясь отъ принциповъ современной науки, сказать, что библія — величайшая книга, а Моисей — величайшій человѣкъ, когда еще вопросъ, былъ ли когда либо человѣкъ Моисей, законодатель Израиля, и когда, во всякомъ случаѣ, по библіи трудно возстановить его, какъ человѣка, т. е., какъ индивидуумъ? Какъ нѣчто же идеально — коллективное, Моисей-израильянинъ, чѣмъ же выше Зороастра-бактрійца или особенно Будды-индійца? Ред.

евреевъ, чтобы «проводить вмѣстѣ субботу» *).

Былъ приглашенъ и я съ моимъ новымъ другомъ. Признаюсь, что ни на одной студенческой вечеринкѣ вполнѣдствіи я не проводилъ такъ пріятно время. Въ русскомъ обществѣ принято думать, что всѣ разговоры, между евреями ведутся только о деньгахъ. Это совершенно невѣрно. О деньгахъ меньше всего говорятъ, особенно ортодоксальные евреи и особенно въ субботу, когда они знаютъ не хотятъ никакихъ дѣловыхъ разговоровъ. Случается, что жена или сынъ проговорится и заведетъ разговоръ о какомъ нибудь товарѣ и т. п., — хозяинъ непремѣнно строго остановитъ словами: «Сегодня святая суббота, а потому перестанемъ говорить объ этомъ». Ведутся же разговоры или о цадикахъ, или же о разныхъ спорныхъ пунктахъ въ библіи и талмудѣ. И въ этотъ вечеръ велись именно такіе бесѣды. Д., понятно, всѣхъ превосходилъ въ ученыхъ спорахъ. Я тоже вставлялъ свои замѣчанія, что очень подкупало въ мою пользу моихъ собесѣдниковъ, такъ что, когда мы разставались, почти всѣ говорили мнѣ: «Ахъ, кабы, учась, всѣ остались такими евреями, какъ вы. А то вотъ у насъ есть тутъ одинъ еврейскій гимназистикъ, — такъ онъ надъ нами издѣвается, какъ и всѣ русскіе, называетъ насъ жидами и т. д. Какъ же мы послѣ этого можемъ отдавать въ ваши школы нашихъ дѣтей, чтобы потомъ имѣть въ нихъ своихъ враговъ?» — Къ сожалѣнію, это одна горькая истинна. Разстались мы въ часъ ночи. Д. еще посидѣлъ у меня съ часъ. На другой день рано утромъ я уѣзжалъ. Когда я вышелъ изъ квартиры, чтобы сѣсть въ телѣгу, я увидѣлъ ожидающаго Д., что, конечно, меня очень тронуло. Но, наконецъ, я уѣхалъ. По дорогѣ я остановился въ лѣсу, гдѣ простоялъ часа четыре. Въѣзжалъ въ Балту, я нашелъ телѣгу, на которой, къ величайшему моему удивленію, увидѣлъ Д. Онъ смутился немного и пробормоталъ какъ то нерѣшительно, что ѣдетъ по дѣлу. Мы оба сошли съ телѣги и вступили въ горячую, дружескую бесѣду, которая продолжалась часа два. На прощанье Д. разспросилъ подробно мой адресъ. Мы, наконецъ, разстались, разстались пламенными друзьями. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Снужу я однажды на порогъ своей квартиры въ А. и читаю. Услышавъ приближающіеся, торопливые шаги, я поднялъ голову и остолбенѣлъ: передъ мною стоялъ Д. Какъ, какими судьбами!?

— «Учиться хочу», — былъ короткій отвѣтъ. И онъ принялся учиться. И учился онъ такъ, что всѣхъ поражалъ своими способностями и прилежаніемъ. Такъ, напр., въ двѣ недѣли онъ выучилъ греческую этимологию и зналъ ее отлично. Д. было 22 года. Онъ былъ уже 4 года женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей.

Семейное положеніе у него было прекрасное; жену любилъ онъ страстно, хотя и женился, какъ водится въ его средѣ, едва видѣвъ ее разъ, и точно также былъ любимъ ею. Въ матеріальномъ отношеніи онъ тоже былъ обеспеченъ, такъ какъ имѣлъ нѣсколько сотъ

*) Кромѣ трехъ субботнихъ трапезъ, освященныхъ обычаемъ, очень религиозные евреи прибавляютъ еще четвертую «мелове-малку» (проводитъ царица, т. е. суббота).

*) См. «Вольное Слово» №№ 37 и 38.

рублей приданого и, кроме того, тестя его должен был содержать в течение нескольких лет вместе с женою и будущим потомством. Сам же Д. только занимался наукою. У евреев это делается очень часто. Никаких материальных средств не шадит еврей, чтобы достать для своей дочери ученого зятя, на которого часто окончательно разоряется. Какъ это согласовать с пресловутой «жадностью къ деньгамъ?»

Сделавъ несколько попытокъ заниматься чѣмъ нибудь, кроме Талмуда и т. п., и возбудивъ этимъ страшную семейную бурю, Д. рѣшился, наконецъ, оставить домъ тестя, надеясь, что жена къ нему придетъ. Но, спустя мѣсяць, въ А. прибылъ тестя Д.; начались угрозы, просьбы, мольбы, требованія развода для жены и т. д. Несчастный Д. долженъ былъ уступить и возвратиться домой, взявъ однако съ тестя обѣщаніе, что онъ ему позволить заниматься и свѣтскими науками. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, я долженъ былъ оставить А. и такимъ образомъ я потерялъ изъ виду Д. на нѣкоторое время.

Спустя годъ я узналъ, что Д. снова бросилъ свой домъ и живетъ въ какомъ то городкѣ между крестьянами. Живетъ страшно бѣдно, еле перебивается, но все таки отказывается отъ какой либо помощи. Въ наукахъ онъ сдѣлалъ немнѣшныя успѣхи. Одно письмо его, которое я читалъ, привело меня въ крайнее изумленіе. Исключая нѣкоторые шероховатости слога, страдающаго книжностью, письмо это могло только принадлежать человеку, получившему очень хорошее университетское образованіе. Что особенно поразительно, это то, что это письмо обнаружило въ авторѣ самое глубокое знакомство и пониманіе «Основаній социологіи», Спенсера. Но Д. не только для себя приобрѣталъ знанія. Онъ ими дѣлился съ другими. Такъ онъ отдавалъ по нѣскольку часовъ въ день крестьянскимъ ребятишкамъ, которыхъ онъ обучалъ грамотѣ. Вокругъ него образовался кружокъ изъ молодыхъ евреевъ изъ той же ортодоксальной среды. Д. ихъ обучалъ по русски, читалъ съ ними и развивалъ передъ ними идеи о правдѣ, добротѣ и братской жизни.... Что случилось съ Д. послѣ, не знаю. Я уже года три потерялъ его изъ виду. Можетъ быть, онъ уже томится гдѣ нибудь въ Сибири, что весьма возможно. Знаетъ ли онъ, какъ «русскій народъ», «во имя высшей правды», грабитъ и разоряетъ нищихъ и обездоленныхъ «эксплуататоровъ» и какъ этому рыцарскому подвигу, захлебываясь отъ удовольствія, аплодируютъ даже архи-либералы (примѣръ—«Отеч. Записки»). Вообще, любопытно бы знать, что теперь чувствуютъ всѣ тѣ евреи, которые клали голову за обездоленного Ивана, забывая своего еще болѣе обездоленного Мойшу?*)

М.

FINIS HERCEGOVINAE

(Открытое письмо къ Редактору «Вольнаго Слова»)

Переводъ съ сербскаго.

Милостивый государь!

Вы были такъ любезны, что выражали сожалѣніе о прекращеніи сообщеній, которыя

*) Читателямъ «Вольнаго Слова» извѣстно наше отношеніе къ еврейскому вопросу, которое мы счи-

я доставлялъ Вамъ съ театра возстанія въ Боккѣ и Герцеговинѣ.

Прекращеніе это было совершенно невольное.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъ Дубровника, прошлаго апрѣля, я извѣщалъ Васъ о намѣреніи моемъ черезъ Метковичъ обратиться въ Мостаръ и лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ внутри Герцеговины. Я не стану утомлять Васъ разсказомъ своихъ личныхъ приключеній, какъ бы драматичны ни были нѣкоторые изъ оныхъ и какъ бы хорошо они ни характеризовали герцеговинское движеніе и различные участвующіе въ немъ политическіе факторы; я упомяну только, что въ эти мѣсяцы мнѣ пришлось исходить или, правильнѣе, излагать — всю Герцеговину и часть Босніи, познакомиться съ австрійскою тюрьмою и съ черногорскою ссылкою и пожить жизнью какъ усташей, такъ и «мирныхъ» герцеговинцевъ. О всемъ мною видѣнномъ и испытанномъ думаю, въ недолгомъ времени, издать отдѣльную книгу, можетъ быть, даже помѣстивъ въ ней весь веденный мною за это время дневникъ. Въ Вашей газетѣ прошу пока позволенія изложить вкратцѣ главныя заключенія, къ которымъ пришелъ я относительно настоящаго герцеговинскаго движенія и его ближайшихъ послѣдствій.

Нѣтъ дѣла справедливѣе, чище и святѣе самого дѣла Герцеговинцевъ; нигдѣ, однако, не замѣшано столько постороннихъ мелкихъ и эгоистичныхъ разсчетовъ, гнусныхъ, а въ тоже время и глупыхъ происковъ.

Дѣло это теперь уже проиграно, народъ побѣжденъ, — не въ открытомъ бою, не силою и даже не хитростью врага, — а коварствомъ и измѣною друзей и братьевъ!

Однако-же, это возстаніе отличалось отъ всѣхъ предыдущихъ тѣмъ, что народъ герцеговинскій все былъ на одной сторонѣ: прежде возставали одни православные, а мусульмане поддерживали православныхъ (турецкое); въ этотъ же разъ боролись всѣ за одно противъ чужеземной власти. Это единодушіе придавало такую силу движенію, что австрійцы, зная, что къ усташамъ готовы присоединиться и всѣ остальные жители страны, должны были собрать до 100.000 человекъ своего лучшаго войска и истратить десятки миліоновъ, только чтобы удержаться въ занятыхъ ими земляхъ. Возстанія они все таки не подавили: оно продолжается и до сихъ поръ; если же въ послѣдніе два мѣсяца оно не распространилось, а, напротивъ, сдулось и ослабло, то это произошло оттого, что на герцеговинцевъ напали совсѣмъ съ другой стороны.

Нейтрально и даже благосклонно къ нимъ отнеслась только одна Турція: за исключеніемъ одного извѣстнаго мнѣ случая, всею мощью, которую усташа получили извнѣ, пришла имъ изъ Турціи или черезъ турецкую границу; въ повибазарскомъ санджакѣ, какъ и въ скутарскомъ вилайетѣ — судьба запечатлѣна болѣе объективнымъ, нежели отношеніемъ г. М., а потому мы и даемъ мѣсто сообщеніямъ г. М. со всѣми ихъ индивидуальными особенностями. (Ред.)

меня въ оба — турки сочувствовали не однимъ мусульманамъ — усташамъ, но и христіанамъ, и принимали хорошо и тѣхъ, и другихъ, когда они переходили границу. Напротивъ, Сербія не была даже нейтральна: за позволеніе надѣть корону, Миланъ не постыдился выдавать Австріи бѣжавшихъ въ Сербію усташей, которыхъ тотчасъ же уводили разстрѣливать недалеко отъ сербской границы!

Ни турецкая, ни сербская политика, однако, не имѣли рѣшительнаго вліянія на ходъ возстанія въ Герцеговинѣ; вліяніе это имѣла политика Черногоріи. Съ самаго превращенія, въ 1852 г., вольнаго союза племенъ въ наследственное княжество, правители Черногоріи поставили себѣ задачей завладѣть и Герцеговиною; но такъ какъ завоевать ее силою они были не въ состояніи, то стали, пользуясь общностью языка и происхожденія, возбуждать герцеговинцевъ къ возстанію, маля ихъ помощью и защитою Россіи. Разъ же возстаніе вспыхнуло, цетинское правительство тотчасъ предлагало Портѣ свои услуги для его погашенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ требовало вознагражденія за потери, причиняемыя ему возстаніемъ, и за свои усилія прекратить его. Смотра по ходу переговоровъ о вознагражденіи, оно гасило пламя возстанія или раздувало его. Кто бы подумалъ, что такая деревушка, какъ Цетинья, могла вскормить и возростить такихъ маккиавелей! — Возставшихъ же герцеговинцевъ цетинскіе агенты старались приучить слѣпо повиноваться повелѣніямъ князя и воеводъ черногорскихъ, нападать или отступать, какъ они прикажутъ. Главная забота была, чтобы усташа не окрѣпли сами и не сдѣлались независимы отъ Цетиньи. Извѣстно, что когда, въ 1862 г., герцеговинцы отвоевали себѣ автономію, съ предводителемъ своимъ, Лукою Вукаловичемъ во главѣ, какъ губернаторомъ, то черногорское правительство три раза подсылало убійцъ къ Вукаловичу, которые, схваченные и уличенные, признавались, что дѣйствовали по приказанію князя Николая и отца его, Мирко; послѣ неудачи этихъ покушеній, черногорцы возбудили соперника Вукаловичу, посягнувъ раздоръ между герцеговинцами и поссорили ихъ съ турками. 3 года еще держался Лука противъ турокъ и противъ черногорцевъ и, наконецъ, въ 1865 г. удалился въ Россію!*)

Въ 1875 г. возобновилась та же игра, только съ лучшимъ успѣхомъ. Возстаніе было приготовлено и рѣшено во время поѣздки князя Николая въ монастырь Морачскій, куда были вызваны герцеговинскіе главари**). Когда же возстаніе окрѣпло и

*) О Луцѣ Вукаловичѣ и возстаніи 1862—1865 гг. подробно разсказано въ сочиненіи профессора Макушева: Задунайскіе и адриатическіе славяне. Разсказъ Макушева во всемъ сходенъ съ разсказомъ нашего корреспондента. (Ред.)

**) Фактъ этотъ намъ былъ до сихъ поръ неизвѣстенъ, но, если онъ и вѣренъ, то авторъ ошибается, приписывая ему рѣшающее значеніе; въ возстаніи 1875 г., рядомъ съ внутренними причинами, участвовали и другія вліянія. Вообще мы оставляемъ на отвѣтственность автора всѣ факты и сужденія, имъ излагаемыя. (Ред.)

во главѣ его сталъ сподвижникъ Вукаловича, Любибратичъ, князь отправилъ противъ него черногорцевъ, которые, схвативъ Любибратича, избили его и отняли у него оружіе и 2—3 книги (храбрый герцеговинецъ имѣлъ слабость къ чтенію); эта добыча до сихъ поръ хранится во дворцѣ князя и составляетъ его единственную бібліотеку, къ которой онъ, впрочемъ, не прикасается. Любибратича освободили герцеговинцы и опять поставили вождемъ, но черногорско-австрійскія интриги привели къ тому, что онъ былъ въ Герцеговинѣ схваченъ австрійскимъ отрядомъ и заключенъ въ тюрьму въ Австрію. Подобныя продѣлки повторялись и относительно другихъ вождей, какъ только они одерживали успѣхи и приобрѣтали значеніе. Вообще князь Николай игралъ съ усташами, какъ кошка съ мышкой; пустить или двинуть ихъ въ какую нибудь сторону, да и дать сейчасъ же знать туркамъ: вотъ я вамъ какой-моль пріятель! Смѣшно даже вспомнить, какъ онъ заставлялъ усташей осаждать турецкую крѣпость Никшичъ на черногорской границѣ и морить его гарнизонъ голодомъ, а самъ снабжалъ его провіантомъ, поставляя его, правда, дурнаго качества и за дорогую цѣну. — Видя такую недобросовѣстность и даже враждебность Черногоріи, герцеговинцы въ 1876, какъ и въ 1862 г., вступили въ переговоры съ турками, которые и согласились дать имъ автономію, въ родѣ той, какою пользуется теперь Южная Болгарія. Къ несчастію для герцеговинцевъ, повѣренный ихъ, Божидаровичъ, не рѣшился подписать мира, — потому ли что соблазнился милостями къ нему черногорскаго князя, или ему запретило русское правительство, — только онъ поступилъ на службу въ Черногорію и былъ въ рядахъ черногорцевъ въ послѣдовавшую затѣмъ войну. — Война эта и была предпринята именно для того, чтобъ помѣшать герцеговинцамъ устроиться самимъ по себѣ и чтобъ присоединить ихъ къ Черногоріи. Всю Герцеговину однако забрать не удалось, а пришлось раздѣлить ее съ Австріей, причемъ къ Черногоріи были присоединены племена, которая никогда даже не платили туркамъ дани и владѣли землей, номинально принадлежавшей бегамъ, какъ своей собственной; сдѣлавшись подданными князя, они стали платить не только государственныя подати, но и за насѣвъ воздѣлываемой ими земли, которую онъ присвоилъ себѣ или роздалъ любимцамъ *); изъ свободныхъ людей и изъ собственниковъ они превратились въ батраковъ черногорскихъ.

Разумѣется, князь Николай не могъ примириться съ тѣмъ, что большая и лучшая часть Герцеговины досталась не въ его руки. Уже въ 1876 г., когда австрійцы встрѣтили при оккупации сопротивленіе въ мусульманскомъ населеніи, черногорцы возбуждали христіанъ подняться тоже; опытъ былъ однако еще такъ снѣжъ, что герцеговинцы не вѣрили ничему, что шло изъ Цетиньи, а надѣялись, напротивъ, что Австрія, какъ цивилизованная и могущественная держава, будетъ обращаться съ ними гуманно. —

*) См. статью другаго автора «Соціальный вопросъ въ Черногоріи» в № 22 «Вольн. Сл.». (Ред)

Несчастные и въ этомъ обманулись! Австрійскіе чиновники ихъ не только притѣснили и обирали, но и стали имъ навязывать ненавистный, какъ православнымъ, такъ и мусульманамъ, католицизмъ. Рано или поздно возстаніе было неизбежно, но я убѣжденъ, что оно началось въ такое неблагопріятное для герцеговинцевъ время опять таки вслѣдствіе подстрекательства Черногоріи. Мотивы того подстрекательства были двойкіе: политическіе и меркантильные; цетинское правительство разсчитывало, что новое герцеговинское возстаніе сдѣлаетъ его дружбу весьма цѣнною для вѣнскаго кабинета, который, пожалуй, рѣшится пожертвовать ей новымъ кускомъ Герцеговины; въ то же время князь Николай и его вельможи были увѣрены, что оно имъ откроетъ новыя источники доходовъ и новыя средства наслажденій, къ которымъ они такъ привыкли съ 1875 г.

Итакъ разыгрывается старая комедія. Эмиссары изъ Цетиньи объѣзжаютъ герцеговинскіе округа подъ предлогомъ «успокоенія» начинающагося волненія; нѣкоторымъ изъ вождей они сообщаютъ на ухо «приказаніе» князя, какъ ихъ бывшаго военачальника и будущаго государя, идти въ гору (такъ было, напр., въ особенности съ Трипо Вукаловичемъ, младшимъ братомъ Луки), всѣмъ имъ обѣщается помощь, не только Черногоріи, но и Россіи, если они будутъ слушаться «приказаній»; въ это первое время, переходъ усташей чрезъ черногорскую землю и временное подкрѣпленіе ихъ черногорцами нисколько не возбуждается правительствомъ. Но возстаніе развивается и принимаетъ нежданные размѣры особенно отъ принятія въ немъ участія богатыхъ, хорошо вооруженныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ беговъ, совершенно не поддающихся цетинскому влиянію. Этими усташами помыкать, какъ прежними, уже было нельзя; они дѣйствовали по превосходному плану, занимали главные стратегическіе пункты, стѣсняли важнѣйшіе пункты, какъ, напр., Фочу, Сопицу и др., и серьезно угрожали положенію австрійскихъ войскъ не въ одной Герцеговинѣ, но и въ Босніи. Вотъ тутъ то вѣнское правительство и обратилось къ князю Николаю съ обѣщаніями и угрозами и нашло въ немъ тѣмъ болѣе готовности содѣйствовать подавленію возстанія, что онъ вовсе не желалъ герцеговинцамъ успѣха, а, напротивъ, считалъ возстаніе для себя невыгоднымъ.

Тогда начались мѣры противодействія возстанію со стороны Черногоріи, сначала т. наз. строгій нейтралитетъ, т. е. отозваніе черногорцевъ изъ Герцеговинскихъ четъ, запрещеніе всякихъ сообщеній съ усташами, обезоруженіе и задержаніе тѣхъ изъ нихъ, которые переступали черногорскую границу, и выставленіе кордона войскъ для наблюденія за исполненіемъ этихъ мѣръ. Вмѣстѣ съ этимъ отправлены были изъ Цетиньи въ Герцеговину и въ Кривошіе эмиссары, объявившіе принятія мѣры печальною необходимостью и, въ то же время, совѣтовавшіе прекратить возстаніе, какъ не своевременное, но не класть оружія передъ австрійцами, а идти съ семействами въ Черно-

рину и отдаться подъ покровительство князя, который уже будетъ знать, какъ повести ихъ дѣло. Усташа сперва не послушались совѣтовъ въ томъ, что касалось ихъ самихъ и ихъ борьбы противъ Австріи, но съ довѣрчивостью, дѣлающею болѣе чести ихъ сердцу, нежели разсудку, рѣшились отъправить свои семьи въ княжескую землю. Этого то и надо было въ Цетиньи. Присутствіе женъ и дѣтей герцеговинцевъ въ Черногоріи дало князю въ руки заложниковъ, болѣе или менѣе строгимъ обращеніемъ съ которыми онъ всегда могъ заставить герцеговинцевъ слушаться его воли. Кромѣ того, хотя черногорцы и говорятъ при всякомъ случаѣ бѣжавшимъ, что они «ѣдятъ княжескъ хлѣбъ» и т. д., но за этотъ хлѣбъ князь сейчасъ же сталъ требовать денегъ отъ Австріи, такъ какъ герцеговинцы ей подвластны, и отъ Россіи, во имя общей вѣры и происхожденія. Преувеличивая же второе число бѣжавшихъ, цетинское правительство получило на ихъ продовольствіе съ двухъ сторонъ въ шесть разъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Какъ видите, спекуляція недурная!

Цетинскому двору вообще было очень выгодно посредничество между жертвами возстанія и русскою благотворительностью; возстаніе 1875—76 гг. вызвало небывалый приливъ денегъ въ Черногорію, который произвелъ — по крайней мѣрѣ въ столицѣ — совершенный переворотъ въ образѣ жизни и правахъ. Съ цѣлью вызвать его опять былъ посланъ въ Россію въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года министръ Станко Радоничъ, не упустившій ни одного случая въ продолженіи 4-хъ мѣсяцевъ обращаться за помощью къ русскому двору, правительству, благотворительнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Всѣ собранныя, выпрошенные, вытянутыя имъ деньги отправлялись къ князю и, за отдѣленіемъ части на оружіе, весело проживались имъ съ его любимцами. Бѣднякамъ герцеговинцамъ, во имя которыхъ и на чьи нужды собирались эти деньги, едва доставались крохи, необходимыя для поддержанія ихъ жизни. Напротивъ, «великаши въ опанкахъ» съ своимъ княземъ не только научились пить шампанское, бывшее до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ въ Черногоріи, но и купили себѣ домовъ и имѣній въ Боккѣ, въ Далмаціи и въ окрестностяхъ Триеста; между послѣдними есть красивыя виллы, которые мнѣ показывали когда я проѣзжалъ недавно черезъ этотъ городъ. Сопровождавшій меня триестскій банкиръ, слыша отъ меня о бѣдности черногорцевъ, не могъ скрыть своего удивленія. — «Отчего же — сказалъ онъ — они все посылаютъ деньги къ намъ на храненіе или на покупку разныхъ бумагъ?» — Я долженъ былъ объяснить ему, что честные черногорцы, т. е. почти весь народъ, такъ бѣдны, что рады, когда приходитъ постъ, что можно ничего не ѣсть, не теряя достоинства, — но что въ послѣднее время тамъ завелся другой родъ людей, срамящихъ имя черногорское и паживающихся на счетъ бѣдняковъ.

Впрочемъ, цетинскій дворъ и въ этомъ отношеніи старается сохранить равновѣсіе

между Россією и Австрією: каждый разъ, когда онъ получить какую нибудь сумму отъ одной изъ этихъ державъ, онъ непремѣнно просить такую же и у другой; министры же и сановники почти все въ одно время получаютъ жалованье изъ Петербурга и изъ Вѣны, а нѣкоторые даже и изъ Бѣлграда. Этому особенно способствуетъ та дипломатическая дуэль, которая уже болѣе 10 лѣтъ продолжается между представителями Россіи и Австріи. Гг. Юннигъ и Теммель оба очень умные, ловкіе и даже честные люди, предавшие каждый интересамъ своей страны и изъ всѣхъ силъ старающіеся доставить ей перевѣсъ. Къ несчастію для нихъ — а также и для казны ихъ отечества — эти дипломаты увлекаются жаромъ взаимнаго состязанія и желаніемъ побѣдить соперника въ сердцѣ князя Николая и обращаются совершенно въ его слугъ. Хорошо было бы, еслибъ они дѣйствовали на пользу черногорскаго народа, но вмѣсто того они только обогащаютъ презираемыхъ ими продажныхъ придворныхъ. До 1878 г. въ Цетиньи преобладалъ Юннигъ, но занятіе Босніи и Герцеговины австрійцами доставило перевѣсъ Теммелю. Юннигъ надѣялся было, что по случаю бѣгства герцеговинскихъ семействъ въ Черногорію, удастся вновь направить туда суммы изъ Россіи, посредствомъ ловкаго употребленія которыхъ удастся побѣдить Теммеля; послѣдній дѣйствовалъ тоже раздачаю подарковъ и орденовъ, а кромѣ того и возмѣлялъ мысль доставить князю новое приращеніе территоріи, конечно, на счетъ Герцеговины. Меня уверяли, что Теммель искренно уговариваетъ свое правительство уступить Черногоріи ближайшія нахія съ самымъ безпокойнымъ населеніемъ, справиться съ которымъ австрійцамъ очень трудно, а на Черногорію вліять теперь легко — золотомъ.

Не знаю, удастся ли этотъ планъ, но имѣли другіе какимъ либо обмѣномъ Теммель подвинулъ князя на гораздо болѣе рѣшительныя мѣры, которыя и произвели желанное дѣйствіе. Вы, вѣрно, читали въ газетахъ о имѣвшей мѣсто въ маѣ мѣсяцѣ кооперации черногорскихъ войскъ съ австрійскими противъ усташей. Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ половинѣ мая зубчане и союзники ихъ, кривошане, одерживали успѣхъ за успѣхомъ надъ австрійцами и отвоевали назадъ уже значительную часть Кривошіи; тогда имъ было пришло изъ Цетиньи приказаніе: не смѣть приближаться къ черногорскому кордону на разстояніе 500 сажень, — кордонъ же, по соглашенію съ австрійцами, подвинутъ за границу; на случай же ихъ ухода внутрь Герцеговины имъ было объявлено, что ихъ семейства будутъ высланы изъ Черногоріи черезъ албанскую границу! Усташа думали 2 дня, совѣтовались между собой и наконецъ рѣшились вступить силою въ Черногорію и тамъ положить оружіе, отдавая себя подъ покровительство князя. Они дѣйствительно прорвали кордонъ 19 и 21 мая въ двухъ мѣстахъ, — Тршиева и близъ Умаца, и исполнили свое намѣреніе. Черногорцы, не зная, съ какою цѣлью идутъ на нихъ усташа, дали имъ сильный отпоръ и даже (!) звали на помощь

австрійцевъ, которые однако опоздали явиться; съ обѣихъ сторонъ бились отчаянно, но усташа, сражавшіеся (какъ мнѣ говорилъ одинъ изъ нихъ) не только за жизнь, но и за честь, сломили кордонъ — и на черногорской землѣ, и прежде чѣмъ успѣло прибыть позванное отовсюду черногорское войско, положили оружіе, какъ хотѣли, т. е., по доброй волѣ и показавъ свое юначество.

Мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣлемъ этой геройской, но братоубійственной схватки, и я никогда не забуду этого горестнаго зрѣлища. Такъ вотъ до чего довела хитрая политика цетинскихъ правителей! До боя между двумя братскими племенами въ виду ликующаго врага.... Какъ бы то ни было, но цѣль была достигнута: возстаніе въ Кривошіи и юго-восточной Герцеговинѣ было прекращено, благодаря «точному исполненію международныхъ обязанностей» со стороны черногорскаго князя. Будетъ ли онъ за это достаточно вознагражденъ и не придетъ ли время, когда онъ раскается въ томъ, что послушался своихъ клеветовъ?

Здѣсь я говорю только о случаѣ, мнѣ лично извѣстномъ и который имѣлъ положительныя и важныя послѣдствія, но и въ другихъ мѣстахъ были подобныя же попытки, свидѣтельствующія объ общемъ планѣ разомъ задушить возстаніе. Дальше къ сѣверу — черногорскія войска просто нападали на герцеговинскую землѣ на усташей, которые, не ожидая отъ нихъ никакого зла, подпускали ихъ близко и даже имъ не сопротивлялись, а спасались бѣгствомъ; исключеніе составилъ Стоянъ Ковачевичъ, пробившійся чрезъ ряды черногорцевъ, нанесъ имъ не малый уронъ, и быстрымъ маршемъ прошедшій чрезъ Черногорію въ Новибазаръ, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ Турками и даже получилъ позволеніе сохранить оружіе. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась между герцеговинцами, сосланными въ Вассоевичи, то они стали съ семьями переходить тайно границу и выселяться изъ братской Черногоріи въ Турцію!

Что еще сказать Вамъ? Я считаю возстаніе конченнымъ, хотя тамъ и сямъ еще держатся отряды — преимущественно изъ мусульманъ. Герцеговинцы еще много могутъ нанести потерь Австріи, но чего могутъ они надѣяться, при нерѣшительности босняковъ, дѣятельнымъ противодействіемъ Черногоріи и равнодушіемъ Россіи? Конечно, они не могутъ положить въ насъ милость Австріи, которая какъ бы стремится искоренить ихъ. Но не слѣдуетъ ли герцеговинцамъ, всѣмъ оставленнымъ и всѣмъ преданнымъ, думать наконецъ исключительно о самихъ себѣ, оставить всякія упованія на какія либо правительства и жить одного мыслию — сохранить свое существованіе до общаго народнаго движенія въ дунайскихъ и балканскихъ странахъ?

Еще одно послѣднее слово. Если русскіе дѣятели, не официальные и не неофициальные, а истинно народныя хотятъ дѣйствовать и на пользу другихъ славянскихъ племенъ, то они прежде всего должны разорвать съ двумя коренными ошибками ихъ соотечественниковъ: знакомствомъ со славянствомъ по чужимъ источникамъ и съ несправедли-

вымъ предпочтеніемъ то одного, то другаго племени; знаніе и справедливость должны стать девизомъ славянской политики народной Россіи. Что это за отдаваніе одного племени другому, не спрашивая его согласія: вы должны соединиться (т. е. подчиниться) съ тѣми то; Герцеговина должна быть черногорскою, Боснія — сербскою и т. д. Недавно одинъ изъ русскихъ, да еще ученыхъ, сказалъ мнѣ: вамъ бы всемъ было лучше соединиться вмѣстѣ и составить одно «болгарское» царство (!)

Что касается до герцеговинцевъ и босняковъ, то они рады были бы соединиться не только съ сербами королевства и черногорцами, но и со всѣми другими сербами въ одно государство, а также и быть въ союзѣ съ остальными славянами. Но ихъ вовсе не привлекаетъ ни бюрократическая Сербія, ни деспотическая Черногорія; ни въ той, ни въ другой они не видятъ представительницы всего сербскаго народа, быть котораго въ наибольшей чистотѣ сохранился именно въ Герцеговинѣ и Босніи.

Прошу Васъ выставить подъ этимъ именемъ мое полное имя и принять увереніе моего глубокаго почтенія.

Михайло Поповичъ.

Корфу, 15 іюля.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВО ФРАНЦІИ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

Сегодня Франціи празднуетъ годовщину паденія Бастиліи.

Назадъ тому ровно 93 года, подъ единымъ напоромъ негодующихъ гражданъ, эта мрачная сокровищница дикаго абсолютизма рухнула, и человѣческіе трупы, замурованные въ ея застѣнкахъ, заставили гражданъ сбросить съ себя оковы рабскаго идеферентизма и провозгласить «права человека». Да, въ исторіи французскаго народа это была великая минута! Граждане прозрѣли и увидѣли, что имѣть той силы, которая могла бы устоять передъ напоромъ народныхъ волей, пропущенныхъ съознаніемъ челоѣческаго достоинства.

Третій годъ празднуетъ Франція этотъ памятный для нея и для всего челоѣчества день, и имѣть теперь того захолустнаго уголка, который бы не разукрасился пышно и весело въ день 14 іюля и не отирадовалъ его на славу.

Но пульсъ жизни французской націи бьется нынѣ слишкомъ живо и быстро; останавливаться долго на этапахъ — ей некогда, — ее манятъ и влекутъ новыя перспективы, пути челоѣческаго развитія, открывшіеся передъ нею со времени завоеванія политической свободы.

Франція, закрѣпивъ память этого приобретенія созданіемъ новаго культа, пользуется 14 іюлемъ, чтобы напомнить о существованіи второй Бастиліи, менѣе грозной, менѣе мрачной, но все же стѣсняющей ходъ свободнаго развитія французской націи.

Вторая Бастилія — это центральная власть, наслѣдіе имперіи, со всѣми ея учрежденіями и послѣдствіями. А поэтому кануны 14 іюля быть выбранъ для пышнаго и торжественна-

го открытія Hôtel de Ville — дворца парижской муниципалитет.

Для одного праздничного украшения этого великого здания муниципальный совет Парижа вотировал 90,000 франков и 100,000 фр. были определены имъ на банкетъ, данный муниципалитетомъ въ торжественныхъ залахъ муниципального дворца, а другіе 100,000 розданы бѣднымъ.

Приглашенія на банкетъ были разсланы всѣмъ мэрамъ французскихъ городовъ, число жителей которыхъ превышаетъ 40,000 душъ, а также и всѣмъ представителямъ муниципалитетовъ столицъ государствъ Европы. И на свой пышный муниципальный банкетъ, парижская дума пригласила представителей центральной власти: президента республики, всѣхъ министровъ Франціи, префекта Сены и департамента и префекта полиціи и, наконецъ, весь дипломатическій корпусъ, начная съ Орлова и кончая папскимъ нунціемъ....

Разумѣется, при этомъ не обошлось безъ недоразумѣній и отказовъ...

Президентъ республики согласился присутствовать на этомъ политическомъ праздникѣ подъ условіемъ, чтобы въ рѣчахъ произнесенныхъ на банкетѣ не было бы и помину... о политикѣ.

Президентъ муниципального совета г. Сонжонъ, скрѣпя сердце, согласился на подобное условіе, и за два дня до банкета представилъ г. Гревю на разсмотрѣніе текстъ своей будущей рѣчи. Въ ней Сонжонъ, вѣрный своему обѣщанію, воздавалъ хвалу всѣмъ за все и за вся, но, не утерпѣвъ, включилъ слѣдующее:

«Господинъ президентъ! принимая васъ въ этомъ зданіи, позвольте мнѣ высказать сожалѣніе, что это дѣлаетъ президентъ муниципального совета, а не мэръ Парижа»...

Разумѣется это «сожалѣніе» Сонжона г. Гревю попросилъ вычеркнуть изъ рѣчи.

Еще бы! Оно ему слышкомъ ясно напоминало пламенное и пастыличное требованіе Парижа имѣть своего выборнаго администратора, а не безконтрольнаго намѣстника центральной власти. Какъ уступки представителямъ центральной власти, такъ и приглашеніе ихъ сдѣлано было съ коварной цѣлью. Не для того, разумѣется, чтобы взорвать ихъ на воздухъ, какъ объ этомъ пустилъ слухъ какой то шальной путникъ, по поводу газового взрыва, случившагося 12 іюля въблизи Hôtel de Ville, а просто для того, чтобы запонавъ представителей центральной власти къ себѣ и ублаживъ, такъ сказать, ихъ сердца, достигнуть желанной цѣли. Радикалы федералисты, имѣя въ виду, что два мѣсяца назадъ всѣ города Франціи получили себѣ право избирать мэра, а также что вопросъ о центральной парижской мэріи поступилъ уже на разсмотрѣніе правительства, льстили себя надеждой запонасть правительство 13 іюля врасплохъ.

Разумѣется, они жестоко ошиблись. Когда же разлетѣлись ихъ мечты, то отказать президенту республики присутствовать на банкетѣ было дѣломъ невозможнымъ — большинство дипломатическаго корпуса приняло уже приглашеніе.

Рабочая партія воспользовалась промахомъ

радикаловъ. Вотъ что печатно заявилъ ей представитель г. Жофренъ, засѣдающій въ Парижскомъ муниципалитетѣ:

«Въ виду различныхъ толковъ, возбужденныхъ реакціонной и буржуазной прессой по поводу моего отказа присутствовать 13 іюня на банкетѣ въ Hôtel de Ville, я, по соглашенію съ своимъ избирательнымъ комитетомъ, а также и моими сотоварищами Национальнаго рабочаго комитета, долженъ дать объясненіе рабочей социалистической партіи.

«Мы всѣ согласны, что народъ долженъ праздновать великій день 14 Іюля. Но мы беремся также напомнить буржуазіи, что она не имѣетъ права профанировать это число, приглашая всѣхъ представителей деспотическихъ государствъ, а они приглашены были всѣ, — отъ папскаго нунція до представителя Александра III, — этого вѣшателя русскихъ социалистовъ республиканцевъ.

«Иначе говоря, представители вѣнцы, гильотинны и разстрѣливатели Парижанъ были всѣ купѣ, — 13 іюля, въ Hôtel de Ville. Муниципальный советъ забылъ вѣроятно, что самое интересное въ этотъ вечеръ была бы — торжественная процессія при свѣтѣ факеловъ въ казарму Лобау.

«Если приглашаютъ представителей монархическихъ правительствъ въ наши муниципальные дворцы, то пусть же напоминаютъ значеніе и роль сихъ послѣднихъ, а также выдающіеся факты нашихъ революцій... Если мои коллеги позабыли, то я берусь имъ напомнить, что крикъ негодованія противъ напаста и имперіи, протестъ и смертные приговоры папѣ и королямъ, — всѣ раздавались изъ Hôtel-de-Ville. — Въ немъ засѣдала и Коммуна 1792 года 10 августа. Имъ былъ вынужденъ конвентъ побѣдить соединившихся деспотовъ и раздавить революціонную тогдашнюю Францію, — ея отживающую аристократію.

«Съ балкона этого самаго муниципального дворца Франція слышала три раза провозглашеніе Республики и Коммуны.

«Да! мы говоримъ громко, — мѣсто для приглашенія заклятыхъ враговъ Франціи и революціи — выбрано неудачно!

«Сознайтесь же, радикалы, что вырожденіе буржуазіи совершилось. Ея предшественники, Геберы, и Шомены не пириествовали бы за однимъ столомъ съ тѣми, цѣль которыхъ одна — разрушить очагъ и колыбель социальной революціи. Именно потому, что мы ихъ уважаемъ, этихъ великихъ революціонеровъ, мы и не идемъ на банкетъ. Съ другой стороны, мы не станемъ засѣдать съ соучастниками подлаго Тьера, этого извѣстнаго душегубца новѣйшаго времени, друга Базена и Бисмарка, идола буржуазіи и лжепатріотовъ, убійцы Варлена, Феррарі, Делеклюза, Дюрана и 35,000 пролетаріевъ, павшихъ, защищая Республику и Коммуну, изгнавшихъ 100,000 республиканцевъ-социалистовъ.

«Однимъ словомъ, выборному рабочей партіи — не мѣсто среди депутатовъ, вотировавшихъ благодареніе капитулировавшей версальской арміи.

«Мы убѣждены, что партія, которая забываетъ своихъ павшихъ героевъ, не достойна

уваженія людей прогресса, равенства и справедливости.

І. Жофренъ.

Муниципальный Советникъ,
Механикъ».

Подобные прелитимарные «accidents» ко дню открытія муниципального дворца заставили однихъ радоваться, а другихъ скорбѣть.

Реакція и центральная власть радовались тому, что праздникъ этотъ ограничится однимъ только официальнымъ банкетомъ, сопровождаемымъ обычными застольными рѣчамъ, что дастъ имъ возможность въ своихъ органахъ, восхваляя праздникъ, излить при этомъ слезы крокодила, по той причинѣ, что населеніе Парижа не вполне сознаетъ ту важность и тотъ характеръ этого праздника, который старались придать ему его представители. Въ силу этого съ должнымъ правоученіемъ они бы сказали: «намѣренія и желанія муниципалитета благо и похвальны, — но несвоевременны».

Дѣйствительность, однако, показала обратное. Съ 12 часовъ дня 13 іюля людскія волны начали паводить place de la Grève и ближайшіе кварталы Hôtel-de-Ville. Въ 5 часовъ пополудни на площади передъ муниципальнымъ дворцомъ, на глазахъ муниципальных представителей маневрировали въ первый разъ во Франціи военные батальоны, составленные исключительно изъ дѣтей школьнаго возраста.

Долго правительство не соглашалось на устройство подобнаго зрѣлища. Военный министръ мотивировалъ сначала свой отказъ тѣмъ, что не можетъ дозволить учить военные маневры въ присутствіи дѣйствующей арміи тѣмъ людямъ, которые «не находятся подъ его вѣдомствомъ». Но сила вещей взяла свое, и общественное мнѣніе заставило центральную власть рѣшиться показать гражданамъ, что страна для своей защиты можетъ, обойтись безъ постоянной арміи и что послѣдняя есть ничто иное, какъ атрибутъ центральной власти *).

Граждане съ энтузіазмомъ привѣтствовали бойко и серьезно по всѣмъ правиламъ военной науки маневрирующихъ мальчугановъ 12 и 13 лѣтнаго возраста. Крики: «Vive la République», «Vive l'abolition de l'armée permanente!» не умолкали во все время маневровъ.

Важно то обстоятельство, что маневрировали передъ президентомъ муниципального совета, который и вручилъ имъ полковое знамя.

Президентъ республики и военный министръ пріѣхали уже по окончаніи маневровъ. Граждане восторженно рукоплескали своей свободѣ, ибо они очень хорошо понимаютъ, что съ уничтоженіемъ постоянной арміи, каждый гражданинъ будетъ готовъ во всякое время защищать свои права и свою независимость.

По окончаніи маневровъ юные граждане были введены въ одну изъ залъ муниципального дворца, гдѣ былъ приготовленъ для нихъ обѣденный столъ.

Энтузіазмъ парижанъ невозможно описать.

*) Что содержаніе постоянной арміи есть величайшее зло для всякой страны — этого опровергать никто не станетъ, но при нынѣшнемъ вооруженіи деспотическихъ и завоевательныхъ государствъ постоянная армія является необходимою самозащитою, для Франціи же въ особенности. Ред.

Народная овація, происшедшая по поводу открытия Hôtel-de-Ville'я, заставила префекта Сенскаго департамента, г. Флокэ, въ своей рѣчи сказать слѣдующее: «Cet Hôtel-de-Ville qui a été agité par tant de revolutions, qui a été le témoin de tant de gloires et de tant de désastres, reste désormais l'asile inviolé de Paris libre...»

А Гревн объявилъ: L'Hôtel-de-Ville, maison paternelle de la Cité, antique berceau de ses libertés municipales...»

Никто изъ парижанъ не помнитъ такого осмысленнаго, воодушевленнаго торжества гражданъ.

Я, русскій, шатаюсь между ликующими людскими волнами, певольно мысленно перенесся въ свое отечество. Какіе контрасты! думалось мнѣ. Здѣсь ликование, а тамъ — плачъ и всеобщая туга.

Здѣсь люди живутъ, дышатъ веѣмъ порами своего существа, а тамъ — задыхаются въ душной атмосферѣ царскаго деспотизма.

Здѣсь празднуютъ паденіе Бастиліи, а тамъ Бастилія въ полномъ процвѣтаніи, тамъ десятки, сотни, тысячи томятся въ застѣнкахъ тюремъ и остроговъ.... Бѣдная Россія!....

Парижъ, 14 іюля 1882.

Въ дополненіе къ вышеприведенному письму помѣщаемъ выписки изъ сообщенія другаго нашего уважаемаго сотрудника, г. В. Сидорацкаго.

Въ праздникъ 14 Іюля улицы, гдѣ живутъ богатые имѣли мало внѣшнихъ признаковъ радости. За то улицы рабочихъ декорировали самымъ роскошнымъ образомъ. Гирлянды изъ листьевъ, цвѣтовъ и цвѣтной бумаги, плакарды съ буквами R. F. или съ нарисованными бюстами республики, трехцвѣтные знамена, фонари разныхъ родовъ украшаютъ все улицы Парижа, но въ особенности улицы, населенныя рабочими. Напримѣръ, одна изъ бѣднѣйшихъ улицъ, Муфетардъ, узкая и грязная*), усеяна знаменами, черезъ улицу отъ одного окна къ другому протянуты веревки и на нихъ масса украшеній изъ фонарей, цвѣтовъ, листьевъ....

На улицѣ Раменъ одинъ изъ жителей выставилъ бюстъ императорскаго принца въ натуральную величину. Собралась толпа вокругъ и нѣкоторое время потѣшалась надъ бюстомъ. Кто то всунулъ ему сигару въ ротъ, другой вынулъ и моркови въ уши, третій написалъ на лбу «Седанъ». Наконецъ одинъ изъ присутствовавшихъ кулакомъ разбилъ бюстъ въ куски и толпа превратила его въ пылъ удами потъ....

Около улицы Дави была выставлена Бастилія въ миниатюрѣ и затѣмъ публично сожжена....

Вышнее выраженіе праздничнаго настроенія помощью горючихъ и взрывчатыхъ веществъ привело къ нѣкоторымъ печальнымъ случаямъ. Имено, въ провинціи 1 убитъ пушечнымъ выстрѣломъ, 1 убитъ ракетой. Въ Парижѣ ранены: револьверомъ — 1, петардами — 6, выстрѣлами маленькихъ пушекъ — 2, ракетой — 1. Въ Парижѣ обнаружива-

лись пожары: отъ фейерверковъ — 1, отъ фонаря — 1, отъ петарды — 2. Кромѣ того въ Парижѣ подано около сотни жалобъ на воровство. Значитъ, кромѣ страшно громадной денежной суммы, затраченной на фонари, знамена и прочее, французская нація понесла жертву двумя убитыми и десятью ранеными. Сумма этихъ годовыхъ жертвъ по отношенію къ самому факту паденія Бастиліи есть то же, что проценты годовые относительно капитала. Какъ велика, слѣдовательно, историческая цѣнность этого факта, если проценты такъ громадны!?...

Но не все одинаково радовались. Органъ рабочей партіи L'Égalité по поводу праздника, который онъ называетъ «ихъ праздникъ», размышляетъ такъ: «14 іюля есть праздникъ буржуазіи, праздникъ класса, который не бралъ Бастилію, но въ пользу котораго Бастилія была взята. Что же касается до народа, массы пролетаріевъ, то для него это была только перемена хозяина. Эксплуатація ишаги замѣнилась эксплуатаціей капитала. Настоящая бастилія не взята, ихъ нужно еще взять. Онѣ не пали вмѣстѣ съ феодальной и королевской бастиліей, онѣ съ каждымъ днемъ размножаются. Наши бастиліи это рудники, фабрики и мастерскія. Если народъ участвуетъ въ праздникѣ, то лишь въ силу потребности повеселиться и забыть на время свою усталость отъ ежедневной работы».

13-го іюля вечеромъ небольшая группа на плацу предъ ратушей кричала «vive la Commune!» А въ тотъ же день утромъ на стѣнахъ Парижа появились маленькія афиши, адресованныя отъ имени «исполнительнаго революціоннаго интернаціональнаго комитета» къ «рабамъ труда» и которыя оканчивались такъ: «угнетенный народъ, не пужно праздника, не пужно радости прежде, чѣмъ ты не уничтожишь это буржуазное отродье, которое тебя раззоряетъ, притѣсняетъ и крадетъ твою долю благосостоянія. Да здравствуетъ социальная революція! Смерть эксплуататорамъ!» Эти афиши были многочисленны въ центрѣ города. Ихъ было меньше въ кварталахъ окраинныхъ.

РУССКІЙ КУЛАКЪ И БОЛГАРСКАЯ СВОБОДА.

Въ незабвенное царствованіе императора Николая I одинъ очень ученый проповѣдникъ установленнаго при немъ догмата о православіи, самодержавіи и (официальной) народности, — сихъ трехъ китахъ російской державы, провозгласилъ съ явнымъ экстазомъ:

«Европейцу, какъ хвалиться своимъ тщедушнымъ, крохотнымъ кулачникомъ! Только русскій владѣетъ кулакомъ настоящимъ, кулакомъ comme il faut, идеаломъ кулака, если можно такъ выразиться. И право, въ этомъ кулакѣ нѣтъ ничего предосудительнаго, ничего низкаго, ничего варварскаго, напротивъ много значенія, силы, поэзіи!»

Въ числѣ аргументовъ этого откровеннаго дифирамба кулаку, русскій патриотъ и славянофилъ своего отечества и времени на первомъ планѣ ставилъ то, что «кулакъ раздвинулъ русскую имперію на 7-ю часть свѣта». Это было откровенно и просто. Па-

шему сложному и лицемѣрному времени принадлежить изобрѣтеніе новой миссіи для русскаго кулака: освобожденіе. Въ русскомъ кулакѣ, говорятъ русскіе патриоты и славянофилы нашего времени, — много поэзіи потому именно, что онъ кулакъ освободительный; свобода, которую онъ оберегаетъ въ Россіи и устанавливаетъ за ея границами, — это не та узкая свобода, которую даютъ западныя конституціи и которая прилична тщедушному европейскому человѣчку, а широкая, всенародная свобода, — которую способенъ дать и охранить только настоящій кулакъ, кулакъ comme il faut, — кулакъ самодержавнаго царя... и (про себя) такого же урядника.

Въ такомъ родѣ рѣчи мы слышали въ особенности въ прошломъ году по поводу внутреннихъ дѣлъ Россіи, — то же говорилось нѣсколько лѣтъ назадъ по поводу обсужденія конституціи въ Болгаріи, а потомъ по поводу ея нарушенія кн. Баттенбергомъ.

Напередъ можно было сказать, что внутренний русскій кулакъ не безъ участія въ послѣднемъ, — но теперь уже начинаютъ обнародоваться документы, опредѣляющіе степень этого участія.

Съ двойнымъ интересомъ прочитали мы въ выходящей въ Пловдивѣ (Филиппполѣ) газетѣ «Независимость» «Документы по новѣйшей Болгарской Исторіи», — которые перепечатаваемъ въ «Вольномъ Словѣ», такъ какъ ихъ не рѣшится воспроизвести ни одна русская газета. Интересны и самые документы эти, важно и то, что болгарскіе прогрессисты (или собственно консерваторы, такъ какъ они хотятъ охранить законно установленную конституцію отъ шайки авантюристовъ) рѣшились наконецъ обнародовать ихъ и такимъ образомъ выйти изъ того лицемѣрнаго отношенія, въ какомъ они стояли къ русскому правительству, выгораживая его передъ своимъ народомъ отъ того беззаконія которое производитъ вотъ уже два года кн. Баттенбергъ. Документы, слѣдующіе ниже, ясно говорятъ о томъ, что все баттенбергское беззаконіе произведено русскими офицерами и отъ русскаго царя и, конечно, съ его вѣдома. Вотъ эти документы.

Документы по новѣйшей Болгарской Исторіи.

I.

Предсѣдатель Циркулярно. Министерскаго совѣта Чрезвычайному Княжес-Мал 21 дня 1881 г. кому Коммиссару Под-Г. Софія. полковнику Котельникову.

Для противодѣйствія агитаторамъ рекомендую Вамъ:

1) Лично и чрезъ уполномоченныхъ Вами офицеровъ (подкоммиссаровъ) повсюду объявить населенію, что бы оно не подчинялось совѣтамъ заинтересованныхъ лицъ, въ томъ числѣ чиновниковъ и учителей, а если оно въ сомнѣніи относительно того, что желаетъ Его Высочество и что совѣтуетъ Русскій царь — что бы обращался къ офицерамъ, которые могутъ разъяснить дѣло и указать на грубые обманы лже-либеральствующихъ агитаторовъ. Представитель Россіи М. А. Хитрово будетъ сопровождать Его Высочеству при объѣздѣ края и будетъ лично объяснять населенію волю Государя Императора.

2) Совѣтуйте сельскому населенію, что бы оно, несмотря ни на какіе распускаемые слухи, массами стекалось 14-го Іюня въ центры выборныхъ участковъ, гдѣ будутъ тогда находиться командированные

*) Т. е. только немного чѣще Невскаго проспекта.

Вами офицеры, отъ которыхъ населеніе можетъ получать нужныя указанія.

3) Рекомендуйте сельскому, а равно и турецкому населенію выбрать лѣудей изъ своей среды, которымъ они доверяютъ. Если малограмотные, ничего не знаютъ, — тѣмъ лучше, такъ какъ все голосованіе будетъ заключаться въ произнесеніи: «ДА или НѢТЬ», т. е. «за Князя или противъ него». Офицеры (подкоммиссары) найдутъ вѣроятно возможность наказать самого выбора согласиться съ преданнымъ его высочеству населеніемъ на счетъ тѣхъ кандидатовъ, которыхъ следуетъ избрать.

4. Офицерамъ (подкоммиссарамъ), присутствуя при выборахъ, быть готовыми противодействовать мошенническимъ продѣлкамъ агитаторовъ энергически, крутымъ образомъ, а если поймутъ кого на мѣстѣ преступленія, то безъ церемоній арестовать, даже связать и отдать подъ стражу населенія или войскъ. Населенію публично заявляется о произведенномъ мошенничествѣ, о которомъ тутъ же составляется актъ.

5) Жандармерию держать строго и, въ случаѣ мошенническихъ продѣлокъ со стороны ея членовъ, угрожать имъ военнымъ судомъ, а въ случаѣ надобности и отдать подъ военную стражу.

6) Объяснить населенію, что будутъ современно приняты мѣры для снабженія избранныхъ депутатовъ прогонными и суточными для отбѣзда ихъ въ Систовъ и обратно.

Подписать: Предсѣдатель Министерскаго Совѣта и Военный Министръ

К. Египотъ.

II.

Предсѣдатель
Министерскаго совѣта. Циркулярно.
Мая 25 дня 1881 г. Милостивый Государь
А. К. г. Софія. Конст. Андрияновичъ!

Изъ полученныхъ мною телеграммъ усматривается, что большая часть окружныхъ и городскихъ совѣтовъ дали увѣренія чрезвычайнымъ коммиссарамъ, что выборы будутъ производиться во всемъ согласно съ избирательнымъ закономъ 17 декабря. И этому обещанію не вопиѣ върью. Обратите, напр., Ваше вниманіе на то, что — 16 вслѣдствіе неовѣрки списковъ не можетъ имѣть никакого значенія. Вообще всѣ выборы производились въ пользу горажанъ (они же и грамотные) противъ сельского населенія. Дѣло военныхъ коммиссаровъ содѣйствовать тому, что бы и голоса селянъ получили важное значеніе.

Доходятъ слухи, что агитаторы пересѣдѣются въ форму жандармовъ (?), собираютъ общинскія печати для приложенія къ своимъ манифестамъ и друг. Мошенническихъ продѣлокъ будетъ употреблено много; — но всѣ же онѣ малозначущія въ сравненіи съ тѣмъ несомненнымъ фактомъ, что громадная масса населенія не понимаетъ даже существованія какой-либо власти кромѣ Князя. Мы, русскіе военнопослужащіе, одни можемъ развѣять сѣти, которымъ стая чиновниковъ, не стоящихъ никакого уваженія, опутала сельское населеніе, еще начиная съ Дондуковского управленія.

Для противудѣйствія мошенническимъ продѣлкамъ безправственной, робкой, хотя и горластой клики, представляющей собою весьма малую часть Болгарскаго народа, есть сотни или двѣ Русскихъ офицеровъ, воспитанныхъ въ духѣ порядка и подчиненности; на ихъ энергію и разсчитывается не только Князь Александръ, но прежде всего Русскій царь.

Пріймите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

К. Египотъ.

III.

Капитану Винипевскому, Царевродскому
Подкоммиссару.
Милостивый Государь
Димитрій Михайловичъ!

Представляю при семъ указъ о правахъ и обязанностяхъ подкоммиссаровъ — предшес-

ніе, данное мною окружнымъ управителямъ, — предлагаю познакомиться съ избирательнымъ закономъ и быть на мѣстѣ выборовъ за два дня. Порядокъ при выборѣхъ пріймите слѣдующій:

а) Стоященія избирателей предъ лицами не допускать; около лицъ дозволить быть только лицамъ бюро. Коммиссія по члену 7-му избират. закона за лицами, а избиратели же въ трехъ шагахъ. Избирателямъ предложите держаться по общинамъ и махаламъ (кварталамъ); для сохраненія порядка, предложите избирателямъ изъ своей среды выбрать необходимое число лицъ, чтобы удерживать толпу, которые въ отлучіе могутъ перевязать себя руки платками.

б) При вызовѣ избирателей отбѣщается, кто явился и кто не явился, всякій избиратель подходитъ и подаетъ бюллетень, будучи вызванъ, и, если имѣется два входа, то уходитъ черезъ другія ворота; по вызовѣ всѣхъ лицъ, записанныхъ въ списки, вызывающій дѣлаетъ вопросъ, — не имѣется ли лицъ, не записанныхъ въ спискахъ. По показанію избирателей и рѣшенію коммиссіи чл. 7-го Избир. закона, не записанные въ списки записываются и подаютъ бюллетени.

в) Если въ 8 часовъ (отъ 8 до 4), назначенныхъ для подачи голосовъ, по количеству избирателей невозможно будетъ физически вызвать всѣхъ избирателей по одному списку, то предложите раздѣлить списки и вызывать по 2, 3 и болѣе; въ случаѣ, если бы выборы затянулись позже 4-хъ часовъ, допустите выборы дальѣ 4-хъ часовъ (согласно ст. 5 указа), если предвидится результатъ хороше, (ст. 5 указа вообще дастъ Вамъ широкія права, Вы всегда можете воспользоваться для того, чтобы получить хороше результаты выборовъ; при дурныхъ, доказывающихъ какой-либо обманъ — забраковать ихъ).

г) Если будутъ дурные результаты выборовъ, доказывающіе ясно, что сдѣланъ обманъ — по какой-нибудь извѣстно — проверьте учетъ голосовъ въ одной изъ кутій (ящикъ); въ прежнія выборы было, что читаютъ бюллетени неправильно, а голоса при учетѣ записываютъ по другому; наконецъ, можете приказать сосчитать все количество бюллетеней и количество лицъ по списку, подававшихъ голоса, и если они не сойдутся, то неправильность ясна и можно полагать, что нѣкоторые избиратели подавали по нѣскольку бюллетеней за разъ или что при учетѣ часть ихъ утаена счетчиками. — Для исполненія ст. I указа предлагайте (но не приказывайте) неграмотнымъ показывать Вамъ бюллетени для прочтенія и спрашивайте, — желали ли подать за Князя; если отвѣтъ будетъ удовлетворительный, а выбрасываемые принадлежатъ къ числу либеральной крайней партіи, то укажите обманъ и предложите избирателю замѣнить билетъ, если хочетъ, и по статѣ II указа останавливайте при голосованіи всѣ споры, которые могутъ быть возбуждаемы нарочно, чтобы затянуть выборы.

д) Для исполненія ст. III указа, передъ подачей голосовъ общинной или махалы (квартала), вызывающій спрашиваетъ: «за предложенія ли Князя?» — кто не за предложенія князя, поднимаетъ руку! и послѣ чего записываются въ протоколъ.

е) Передъ печатаніемъ кутіи, сдѣлайте осмотръ ихъ, чтобы не было заранѣе положенныхъ бюллетеней, двойного дна и проч.

ж) отъ околицескихъ начальниковъ потребовать, что бы при сообщеніи о днѣ выборовъ (14-го Іюня), развозящій сообщеніе бралъ расписки отъ селъ или печати.

з) свободу слова уважайте, постарайтесь, чтобы о выборахъ говорили открыто — только грязное дѣло бонитъ свѣта (агитація Соловейкова); военные суды устроены только для преступниковъ, а не для гражданъ, любящихъ отечество и князя.

и) Какіхъ результатовъ желаютъ, чтобы мы достигли, можете видѣть изъ копій и нѣсма г. Грекова, и я увѣренъ, что мы достигнемъ, оперишись на лучшую часть населенія, не знающую другой власти кромѣ Князя и не заинтересованную жирными мѣстами.

і) О результатахъ выборовъ телеграфируйте, кто избранъ, благопріятны ли результаты, требуются ли дополнительные выборы, и к) обязанность Ваша кончается на другой же день. Постарайтесь, чтобы, при хорошемъ результатѣ, дополнительныхъ выборовъ не было (чл. 24 изб. закона), для чего согласите населеніе городское и сельское, постарайтесь, чтобы за окончательнымъ рѣшеніемъ — кого выбрать, явились избиратели къ вамъ заблаговременно всей толпой, какъ къ представителю русскихъ интересовъ и лицу, могущему дать совѣтъ въ пользу дѣла, а не партіи. Это удобнѣе всего устроить черезъ лицъ, указанныхъ въ спискахъ; желательнѣе было бы, чтобы сельское неграмотное населеніе, просило бы васъ заготовить по Вашему совѣту бюллетени, что и дѣлайте, потребовавъ писарей всѣхъ гражданскихъ управленій.

Приложеніе..... списокъ лицъ.

Подполковникъ Котельниковъ.

Прибавлять что либо для разъясненія этихъ документовъ по существу, совершенно лишнее. Но мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу ихъ.

Въ документахъ этихъ между прочимъ бросается въ глаза та особенная манера говорить о либерализмѣ, которую можно видѣть и въ русскихъ газетахъ, каковы «Московскія Вѣдомости», «Русь», «Новое Время» и т. п. Болгарскіе бонапартисты нѣмецкаго и русскаго происхожденія иногда почти буквально повторяютъ въ конфиденціальныхъ бумагахъ фразы русскихъ легитимистовъ. Очевидно, что эти бонапартисты — только заграничная контора той самой фирмы, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ не даетъ Россіи выбраться изъ кризиса, въ который страна вступила, благодаря долговременному дѣйствію въ ней того политическаго порядка, который кн. Баттенбергъ успѣвается навязать только что избавившемуся отъ турецкаго ига народу. Не много нужно проникательности, чтобы догадаться, что произведеніе переворота въ Болгаріи входитъ прямо въ планъ дѣятельности этой фирмы, такъ какъ болгарская конституція была явнымъ соблазномъ для подданныхъ російскаго самодержца, — какъ это можно было видѣть не только изъ повсемѣстныхъ разговоровъ въ Россіи въ 1878—79 г., но и изъ поданнаго тогда адреса харьковскаго губернскаго земскаго собранія.

Вотъ почему намъ такъ и пріятно, что болгарскіе прогрессисты рѣшились наконецъ обнародовать вышеприведенные документы. Мы видимъ въ этомъ обнародованіи признакъ того, что они окончательно поняли естественную связь между сохраненіемъ политическаго рабства въ Россіи и нарушеніемъ конституціи въ Болгаріи. Слѣдуетъ надѣяться, что сознаніе это пойдѣтъ дальѣ и проникнетъ въ глубь болгарскаго населенія.

Русское правительство и его агенты въ Болгаріи дали горькіе уроки этому населенію, — и очень жаль было бы, если бы оно не поняло этихъ уроковъ. Мы помнимъ настрѣеніе болгаръ во время непосредственно

предшествующее началу болгарского кризиса, который длится и до сих пор. Это было в начале 1876 г. Мы встретили тогда болгарскую колонію в Вѣнѣ и имѣли случай говорить съ нѣсколькими лицами, имена которыхъ упоминаются иногда и теперь въ газетахъ. Обычными темами для тогдашнихъ разговоровъ былъ вопросъ о возможности и значеніи вмѣшательства Россіи въ дѣло освобожденія балканскихъ народовъ и въ частности болгаръ, — а также, совершенно естественно, вопросъ о противуправительственномъ движеніи въ самой Россіи. «Нигилизмъ» — а всякую оппозицію русскому правительству многіе западные славяне принимаютъ и до сихъ поръ за нигилизмъ — возбуждалъ неудовольствіе нашихъ болгарскихъ собесѣдниковъ, — а въ насъ лично и въ нашихъ друзьяхъ они видѣли служителей еще и другого зла: «украинскаго сепаратизма». Эти два демона, — нигилизмъ и сепаратизмъ, — казались болгарамъ, какъ и многимъ другимъ западнымъ славянамъ, двумя паяками, которые ослабляютъ русскаго орла, единственную надежду западнаго славянства, орла, который-де только и думаетъ о томъ, чтобы подать руку помощи для освобожденія его поработанныхъ соплеменниковъ.

Мы и украинскіе друзья наши старались разсѣять заблужденія и иллюзіи нашихъ болгарскихъ собесѣдниковъ, доказывая имъ, что русскій абсолютизмъ не можетъ быть освободителемъ, что если онъ не преслѣдуетъ собственныхъ завоевательныхъ — эгоистическихъ цѣлей, то становится орудіемъ турецкаго же, если не нѣмецкаго ига; въ частности мы предсказывали, что петербургское правительство не поддержитъ во время предполагавшагося тогда возстанія въ Болгаріи, а, если, наконецъ, и вмѣшется въ балканскія дѣла, то это вмѣшательство далеко не приведетъ къ осуществленію желаній тамошнихъ народовъ и расчетовъ нашихъ собесѣдниковъ. Что до т. наз. «украинскаго сепаратизма», то мы совѣтовали послѣднимъ, вмѣсто того, чтобы косо смотрѣть на него, поближе познакомиться съ исторіей отношеній между украинскимъ народомъ и московско-петербургскимъ государствомъ, чтобы вывести изъ уроковъ этой исторіи полезное наставленіе и для себя, — такъ какъ, говорили мы, теперь между балканскими народами и петербургскимъ правительствомъ происходитъ очевидно такая же самая трагикомедія, какая происходила на Украинѣ въ XVII — XVIII в.

Съ скептическими улыбками слушали болгаре наши несимпатичныя предсказанія. И что же? Развѣ міръ не видѣлъ, какъ петербургское правительство допустило «болгарскіе ужасы» на насху 1876 г., развѣ сербы и болгаре не попробовали пагаски освободителей, добровольныхъ и служанчихъ, развѣ Болгарія не претерпѣла деспотизма кн. Черкасскаго и его губернаторовъ, развѣ сербы не были преданы уже С. Стефанскимъ миромъ, а болгаре Берлинскимъ трактатомъ, — наконецъ, развѣ Болгарія не отдана была на произволъ Баттенберга и Эрпрота, развѣ ея лучшіе сыны не подверглись арестамъ и изгнаніямъ?? И что такое эти трактаты

С. Стефанскій и Берлинскій, какъ не повтореніе Андрусовскаго договора 1667 и Московскаго 1680 г., переполовинившихъ Украину между Польшею и Москвою, чтобы каждой изъ этихъ двухъ державъ было удобнѣе укротить ея свободныя порывы? Что такое болгарскіе губернаторы и министры изъ ташкентцевъ всякихъ націй, прошедшихъ черезъ русскую службу, какъ не московскіе восводы и петербургскіе генералъ-губернаторы, которые грабили и заколачивали до смерти «упрямыхъ и безмозглыхъ хохловъ» — и на всѣ селки земскихъ людей на свои вольности и законы отвѣчали: «я тутъ отъ государя моего поставленъ болѣе васъ всѣхъ, а вы, м. в. въ р., подчерты!» (Хитровъ), или: «шельма писалъ, а каналья судилъ» (Миннихъ). Не напоминаетъ ли самый русскій языкъ въ официальной перепискѣ въ болгарскомъ государствѣ того иностранца, назначеннаго въ Украину, вмѣсто выборнаго изъ туземцевъ гетмана, статгальтеромъ, о которомъ послѣ украинцы говорили: «дикий шотлянецъ, ни языка, ни права малороссійскаго не знающій» (Кейтъ, впрочемъ, въ остальномъ не чета г. Эрпроту). Не придется ли болгарамъ, при видѣ грабежей отъ русскихъ интендентовъ и высокихъ окладовъ жалованья русскимъ чиновникамъ въ Болгаріи и В. Румелин, слагать стишковъ въ родѣ украинскихъ:

Москалѣки, соколикѣ,
Поїли ви наші волки,
А якъ вернетесь здорові,
Поїєте ї остатні корови?

Что такое возведеніе поручика Баттенберга въ князья болгарскіе, окруженіе его русскою опричниною и выжиганіе его изъ страны достойнѣйшихъ ея сыновъ, — какъ не повтореніе поставленія въ гетманы Украины ничтожества и канцелярскихъ интригановъ, для огражденія которыхъ отъ украинскаго народа оставались московскіе стрѣльцы, при арестахъ и ссылкахъ въ Сибирь даровитыхъ людей, поборошниковъ интересовъ народныхъ массъ и національной цѣлости, — каковы Сирко, Палій? Въ концѣ всего, что въ состояніи посѣять въ мѣстномъ населеніи всѣ эти узкіе москвофильныя и безчестныя и грубыя ташкентцы, орудующіе Болгаріей вотъ уже четыре года, — кромѣ ненависти къ русскому имени, вмѣсто того искренняго чувства братства, котораго можно бы было ожидать, — подобно тому, какъ московскіе ташкентцы XVII вѣка заставляли украинцевъ, — сначала столь доверчиво бросившихся въ объятія «народа единовѣрнаго и единоплеменнаго», создать пословицы, въ родѣ: «од москаля полн вріж, та тікай», — и прибаутки, въ родѣ: «о! тату! чортъ лізе в хату! — Дарма, дочко, аби не москаль!»

Напечатаніе въ «Независимости» вышеприведенныхъ документовъ показываетъ, что болгаре уже не далеки отъ созданія подобныхъ изреченій. Но было бы очень печально, если бъ на этомъ дѣло и окончилось. Въ наше время мало констатировать зло, — надо понять его причину и приняться за ея устраненіе. Деспотизмъ въ Болгаріи есть только отпрыскъ деспотизма въ Россіи, — а потому друзья свободы въ Болгаріи должны

помочь тому движенію въ Россіи, которое стремится доставить ей политическую свободу, немислимую безъ признанія равноправности и самоуправленія всѣхъ ея народовъ, т. е., безъ федеративнаго ея устройства. Никто такъ не можетъ быть заинтересованъ въ этомъ послѣднемъ, какъ именно меньшія славянскія и неславянскія племена, окружающія Россію, такъ какъ централизованная Россія, даже въ видѣ конституціонной монархіи или даже республики, будетъ слѣдовать политикѣ или узкоэгоистической, равнодушной къ интересамъ своихъ «мелкихъ» сосѣдей и соплеменниковъ, или же реакціонно-обручительной. Только Россія федеральная, — въ которой не будутъ заглушены голоса ея окраинныхъ, родственныхъ съ ея западными и южными сосѣдями народовъ, — можетъ войти искренно въ интересы этихъ народовъ на Балканахъ, на Дунаѣ, у Карпатъ, за Кавказомъ. Вотъ почему прямой интересъ этихъ народовъ поддерживать освободительно-федеральное движеніе въ Россіи.

Пусть не говорятъ, что народамъ этимъ слишкомъ много дѣла и у себя, и что они даже при желаніи мало имѣютъ случаевъ на практикѣ оказать услугу этому движенію. Лишь бы люди твердо сознали единство ихъ интересовъ, — то это сознаніе не замедлитъ проявить себя и на практикѣ, всѣ случаи которой напередъ трудно и предусмотрѣть.

Мы считаемъ такое сознаніе солидарности интересовъ друзей свободы въ Россіи и у ея ближайшихъ сосѣдей, преимущественно же у славянъ, особенно необходимымъ въ настоящую минуту, когда можно надѣяться, что, съ назначеніемъ гр. Толстого въ русскіе вицери, въ Россію направится новая волна западнославянскихъ ташкентцевъ, съ предложеніемъ услугъ для подавленія въ ней оппозиціоннаго духа, въ отплату за каковыя услуги полицейская Россія вышлетъ часть своего ташкентскаго интернаціонала въ славянскія земли, имѣющія несчастіе поодѣ ея гегемонію...

М. Драгомановъ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КНИГА О РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦИОНЕРАХЪ.

Передъ нами недавно вышедшая на итальянскомъ языкѣ книжка: La Russia Sottoposta — «Подпольная Россія». Она написана «съ натуры» г. Стенциякомъ, бывшимъ редакторомъ «Земли и Воли», снабжена предисловіемъ г. Лаврова и предназначена служить для ознакомленія западно-европейской публики съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи. Изъ предисловія г. Лаврова мы узнаемъ, что авторъ много лѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ революціонныхъ предпріятіяхъ. Интересъ книжки для русскихъ читателей заключается главнымъ образомъ въ ея теоретической сторонѣ, гдѣ авторъ освѣщаетъ, съ своей точки зрѣнія, смыслъ самого движенія, причины послѣдовательно наступившихъ измѣненій въ его характерѣ и направленіи и надежды своей партіи.

Наибольшую часть книги составляетъ отдѣлъ, такъ сказать, беллетристическій. Въ него входятъ какъ личныя воспоминанія автора о людяхъ, игравшихъ болѣе или менѣе вид-

ную роль въ движеніи, такъ и пересказъ нѣкоторыхъ событій — бѣгство, поджоги и проч. Авторъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду охарактеризовать личности, а не идеи или принципы, ими представляемые. Знаніе характеровъ людей, ихъ нравственной и даже физической физиономіи, конечно, очень важно для уразумѣнія общей картины данной эпохи; и если нельзя думать, что весь ходъ событій зависить исключительно отъ вліянія того или другого человѣка, то нельзя также видѣть ни въ какомъ историческомъ процессѣ столкновѣніи однихъ только абстрактныхъ идей, ни вліянія отдѣльныхъ лицъ, которымъ, безъ сомнѣнія, всегда вносятъ свою индивидуальность въ общую сумму другихъ причинъ. Къ сожалѣнію, задача охарактеризовать эпоху, живописуя типы ея дѣятелей, вещь чрезвычайно трудная. Можно, конечно, не мудрствуя лукаво, передавать какъ можно больше фактовъ, часто даже не заботясь о выборѣ, лишь бы ихъ было много и они были бы безусловно правдивы; можно передавать и субъективные впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновѣній съ разными лицами, и рассказы, слышанные отъ другихъ; можно, словомъ, накоплять сырой матеріалъ, которымъ располагаютъ современники, предоставивъ себѣ или другому разобрать впоследствии груды фактовъ по кирпичикамъ, чтобы возстановить стройное цѣлое личности. Есть и другой способъ — болѣе быстрый, болѣе пріятный для читателя и часто необыкновенно поучительный, но способъ, доступный только немногимъ избраннымъ писателямъ, одареннымъ крупнымъ талантомъ. Можно въ беллетристической формѣ двумя-тремя штрихами набросать всего человѣка, со всеми его достоинствами и недостатками, воскресить его въ своемъ воспоминаніи, такъ что онъ, какъ живой, станетъ въ воображеніи читателя. Но для этого нужно родиться съ умѣньемъ поставить гдѣ то тѣ точки въ глазахъ, отыскивая которыхъ помѣшался художникъ, герой одного рассказа.

Короткіе біографическіе очерки автора «Подпольной Россіи» — Стефановича, Осипскаго, Лизогуба, Перовской, Засулчъ и пр. переполнены длиннотами, мало говорящими воображенію читателя. Самые типы очерчены такъ неясно и блѣдно, что, несмотря на этикетки, наклеиваемыя авторомъ на каждое лицо, читатель не можетъ составить себѣ о немъ никакого настоящаго представленія.

«Стефановичъ — организаторъ, Осипскій — воинъ, Клеменсъ — мыслитель, Краноткинъ — агитаторъ, Лизогубъ — святой», такова классификація, которой авторъ заканчиваетъ серію выведенныхъ имъ мужскихъ характеровъ. А между тѣмъ, въ чемъ видѣнъ, на примѣръ, воинъ Осипскій въ очеркѣ г. Степаняка? О немъ мы узнаемъ, что онъ, «быстрый какъ вѣтеръ пустыни», пробѣгалъ всю Россію, былъ красивъ, энтузіастъ, умеръ мужественно, умѣлъ прекрасно добывать деньги для революціи, любилъ славу, любилъ женщинъ и былъ ими любимъ. Все это авторомъ говорится объ Осипскомъ, а не вытекаетъ органически изъ очерка. Мы, съ своей стороны, не понимаемъ, почему перечисленные черты характера принадлежатъ типу воина? Точно также не видимъ

мы въ Клеменсѣ — по очерку автору — типа мыслителя. Въ очеркѣ говорится, что Клеменсъ былъ человѣкъ ловкій, смѣлый, честный, нечестолюбивый, неспособный «поспѣвать молодежи на смерть». Онъ съ увлеченіемъ слушалъ лекціи Гельмгольца. Ему, по словамъ автора, были тѣсны рамки революціонной литературы, и онъ гораздо больше писалъ для подцензурныхъ изданій, такъ какъ ему нужна была болѣе многочисленная публика и сюжеты болѣе широкіе. Помимо того, что западный читатель врядъ ли можетъ взять въ толкъ, почему подцензурная литература азіатской имперіи, при которой (какъ сказано въ предисловіи г. Лаврова) писатели должны «обходить молчаніемъ многіе вопросы», должны «проявлять себя вѣрнопопданнѣми царя», которымъ «грозитъ ссылка за каждое неосторожно-вырвавшееся слово» — почему эта литература даетъ просторъ мысли и ширину сюжетовъ? Какіе «широкіе сюжеты» можно затрогивать въ подцензурныхъ изданіяхъ страны, гдѣ запрещены сочиненія не только Лассалы, но, на примѣръ, зоолога Геккеля? Всякій мыслитель, если онъ при этомъ писатель, всегда что нибудь говоритъ міру, вноситъ свой вкладъ въ сокровищницу человѣческихъ знаній — свою ли новую мысль, яркое ли освѣщеніе чужой мысли, новые факты и пр. Читатели г. Степаняка оставляются имъ въ этомъ отношеніи въ совершенномъ невѣдѣніи; они такъ и не узнаютъ изъ очерка про то умственное наслѣдство, которое оставилъ намъ Клеменсъ, какъ мыслитель. Авторъ даже не сообщаетъ, въ какой отрасли знаній или мысли работалъ Клеменсъ.

Лишенные художественности, очерки г. Степаняка лишены еще одного достоинства, которое могло бы придать имъ большое значеніе: въ нихъ нѣтъ правдивости — не той, конечно, которая исключаетъ ложь, а другой, исключающей односторонніе и предвзятые взгляды, которую мы, на примѣръ, находимъ въ недавно вышедшихъ на русскомъ языкѣ біографіяхъ Желябова, Кибальчича, Перовской. Г. Степанякъ относится къ описываемымъ имъ людямъ не только съ любовью товарища и друга, но со своего рода поклоненіемъ. Онъ пишетъ не біографію дорогихъ ему личностей, ошибки и слабости которыхъ онъ знаетъ, но прощаетъ и даже любитъ; онъ пишетъ похвальное слово, восторженный дифирамбъ. При такомъ настроеніи, когда чувство преобладаетъ надъ критикой, трудъ автора можетъ имѣть только партійное значеніе.

Въ предисловіи г. Лаврова сказано, что все, пишущееся въ Россіи «врагами нигилизма, тѣми, кто искренно считаетъ его страшнымъ преступленіемъ или чудовищнымъ безуміемъ» — лишено значенія, какъ съ философской, такъ и съ исторической точки зрѣнія. По нашему мнѣнію, съ тѣхъ же самыхъ точекъ зрѣнія лишено значенія и произведеніе г. Степаняка, который, вѣроятно, еще искреннѣе вѣритъ въ превращенія достоинства описываемыхъ имъ дѣятелей, чѣмъ враги ихъ вѣрятъ въ то, что они злодѣи или помѣшанные.

Такого своего отношенія авторъ несколько и не скрываетъ. Онъ прямо заявляетъ, что

для характеристики выводимыхъ имъ лицъ нужно перо болѣе могущественное, и прибавляетъ, что говорить это «не по условной скромности», а потому что чувствуетъ къ своимъ товарищамъ безконечное обожаніе (ammirazione). Чтобы составить себѣ понятіе объ отношеніи автора къ героямъ его очерковъ, стоитъ только прочесть слѣдующія строки, которыми онъ характеризуетъ Лизогуба: «Не скажу, что Д. Лизогубъ былъ человѣкъ самый чистый, самый идеальный, котораго я когда либо зналъ, потому что этого было бы мало; скажу, что во всей нашей партіи не было и не могло быть человѣка, могущаго превзойти его по идеальной прелести характера, потому что подобное существо нельзя представить себѣ даже въ воображеніи».

Кромѣ біографическихъ очерковъ, въ книгѣ имѣется, какъ сказано, рядъ картинокъ революціонной среды, написанныхъ нѣсколько проще. Нѣкоторыя изъ нихъ (напр. «Два бѣгства», «Московский поджогъ») интересны и сенсационны.

Описанію отдѣльныхъ революціонныхъ типовъ авторъ предпосылаетъ краткій историческій очеркъ движенія, начиная съ 60-хъ годовъ, т. е. со времени процвѣтанія «нигилизма». По мнѣнію г. Степаняка основнымъ принципомъ нигилизма былъ абсолютный индивидуализмъ. Нигилизмъ былъ борьбой за освобожденіе «интеллигентнаго человѣка отъ всякой зависимости, борьбой, медленной рукой объ руку съ борьбой за освобожденіе рабочихъ классовъ отъ рабства» (стр. 2). Забывая, вѣроятно, вторую часть своего положенія, авторъ говоритъ дальше, что все движеніе, направленное противъ религіи и за эмансипацію женщинъ, въ концѣ концовъ сводилось къ отвоєванію себѣ личнаго счастья. Когда идеи матеріализма восторжествовали самымъ рѣшительнымъ образомъ, доставивши людямъ того поколѣнія умственную независимость, а разрѣшеніе жескаго вопроса дало нигилистамъ возможность имѣть уединенную подругу жизни, то нигилизмъ превратился «въ энкуррейца, умнаго и утонченнаго, въ жирномъ тѣлѣ котораго медленно движется кровь» (стр. 9). Наростающему поколѣнію мало было личнаго счастья. Подъ вліяніемъ парижской коммуны и зрѣлища народныхъ бѣдствій у юноши появилось сознаніе долга сдѣлать что нибудь для народа — и вотъ «въ сердцѣ своемъ онъ даетъ себѣ клятву посвятить всю жизнь, все силы освобожденію этого народа, отдающаго свой потъ и кровь для того, чтобы онъ, привилегированный счастливцемъ, могъ жить удобно, учиться» (стр. 10). «Нигилизмъ, говорится дальше, ищетъ собственнаго счастья во что бы то ни стало. Революционеръ ищетъ во что бы то ни стало счастья другихъ, жертвуя для него собственнымъ счастьемъ» (стр. 11). Въ этой характеристикѣ есть противорѣчіе. Авторъ, какъ мы видѣли, заявилъ раньше, что стремленіе къ личной независимости шло у нигилистовъ рука объ руку съ идеей освобожденія трудящихся классовъ отъ рабства. Стало быть, различіе революціонеровъ отъ прежнихъ нигилистовъ заключается не въ томъ, что первые расширили идеалы своихъ предшественниковъ, а только въ томъ, что они на-

правили свои усилия на практическую сторону задачи, в области которой ничего еще не было сделано. Действительно, настоящими апостолами новой доктрины, приготовившими почву для современного революционного движения, воспитавшими все поколение 70-х годов в идеях социализма, автор признает (стр. 13) Чернышевского, Добролюбова, Михайлова — в России и редакторов «Колокола» — за границей. Но — оставивши в стороне редакторов «Колокола» — кто же были Чернышевский и Добролюбов, как не «отцы нигилизма», как не выразители идей, волновавших умы в 60-х годах? Сам г. Стенняк признает на стр. 8 «Что делать» выразителем идеала нигилизма. Почему же он считает истинными предшественниками революционеров — каракозовцев? Одно из двух: или между нигилистами и революционерами нет той бездонной пропасти, которую видит г. Стенняк, или уже в самом движении 60-х годов следует искать два несходных между собою течения, из которых одно повело к эпикурейскому эгоизму, другое — к революционному героизму. Если называть нигилистами передовых людей 60-х годов, то существенное различие между ними и позднейшими пропагандистами можно искать в отношении к народу. Идея «хождения в народ» коренилась уже в умах деятелей периода «нигилизма». С самого освобождения крестьян «сближение с народом» было на языке у всех. «Евангелие нигилизма» (как его тогда называли и друзья, и враги) — «Что делать» — уже проповедовало молодежи деятельность среди рабочих. Пропандисты только более энергично и страстно отнеслись к этой идее, от слов и мечтаний перешли к делу, и вместе с тем — как совершенно справедливо замечает г. Стенняк на стр. 28 — сделали из народа род божества. Неходя из чувства долга перед несчастной массой, погибающей под гнетом беззакония и эксплуатации и из наивной веры в то, что русский народ совершенно подготовлен своей сельской общиной к восприятию идей научного социализма (вера, которую до сих пор разделяет и автор «Подпольной России» — см. стр. 24), пропандисты шли в народ, надеясь, несмотря на все доказательства противного, что революция должна совершиться со дня на день (стр. 28). «После первых разочарований они не взирая уже в победу и несли скорбь тернового, тем лауроваго вѣника».

Задача пропагандистов не была выполнена, по нашему мнению, не потому, что — как полагает г. Стенняк — они были слишком идеальными типом, чтобы выдержать предстоящую им тяжелую борьбу, а потому, что движимые одной страстью, они забыли или не хотели знать условий страны, не сумели к ним приспособиться и часто не были достаточно подготовлены даже для той пропаганды, с которой шли в народ.

На сцену пропагандистам явились террористы.

Описавши отчаянное положение партии перед терроризмом, незначительность полученных результатов — сравнительно с громадностью принесенных жертв, г. Стенняк

совершенно неожиданно для своих читателей восклицает: «движение пропагандистов было дивным (sublim) доказательством могущества Слова! По естественной реакции (против утѣха?) старались испробовать противоположный путь — путь Дела» (стр. 31). Автор показывает несостоятельность попыток так называемых «бунтарей», силы которых находились в полном несоответствии с силами правительства. Революция на маперь парижской или скольконибудь значительный бунт невозможен в России по редкости городов, разбросанных на огромном пространстве, при той армии, которой располагает правительство и пр. С 1878 г. всякие попытки вооруженных демонстраций были оставлены, и тип русского революционера претерпевает значительное изменение. Революционер еще не проявил себя в роли террориста, но уже читает в своей груди террористические замыслы. Правительство безобразной реакцией сделало со своей стороны все возможное, чтобы развить это нарождавшееся настроение.

Первые кровавые акты были совершены за год до «возведения терроризма в систему» (стр. 35). Когда правительство Александра II, вопреки общественному настроению, обрушило свою дику злобу на находившихся в его власти социалистов, увеличив против приговора сената наказание обвиняемых в процесс 193-х *) — оно показало этим, что не представляет из себя ничего, кроме грубой силы, и что «оно не выразитель народной воли или воли большей части общества, а организованное насилие» (стр. 39). При невозможности бороться с правительством открыто, нужно было искать косвенных путей, ставящих его в такое положение, в котором оно не в состоянии пользоваться своими силами для защиты. Таким путем был, по мнению автора, терроризм. «Убийством Меценца терроризм смело кидает свою перчатку в лицо автократии» (стр. 39).

Что же такое терроризм? Г. Стенняк характеризует его следующим образом: «он борется не только за народ, чтобы дать ему возможность самому располагать своей судьбой, не только за всю нацию, задыхающуюся в зачумленной атмосфере, но и за самого себя, за своих близких, за своих друзей, томимых в ужасных центральных тюрьмах и притягивающих к нему нехудшие руки, умоляя о помощи; он поклялся быть свободным и будет свободным, не смотря ни на что. Он не преклонит головы ни перед каким идолом своей гордой головы. Он посвятит свои могучие руки делу народа, но не сделает себя из народа божества, и если народ под влиянием дурных советов скажет ему: «будь рабочим!» — он ответит: «нет!» и пойдет вперед, не взирая на его проклятия и ярость, уверенный в том, что на могиле ему отдана будет справедливость» (стр. 43).

*) В сущности наказание не увеличено, а не уважено ходатайство сената о смягчении наказания, что, однако, все же было явлением дотоле небывалым. (Ред.)

«Нигилист ищет собственного счастья во чтобы то ни стало» — не то ли же самое делает террорист, по словам г. Стенняка? Нигилисты боролись за освобождение интеллигентного человека «от какой бы то ни было зависимости» — за то же борются и террористы. Разница между террористами и нигилистами зависит, по нашему мнению, не столько от характера деятелей, сколько от условий времени. Сам г. Стенняк не признает даже за террористами большей энергии сравнительно с нигилистами 60-х годов (с чем мы не можем согласиться), утверждая, словами Зайцева, что прежде нигилисты готовы были за идеи Дарвина идти хоть на смерть.

На терроризм автор придерживается весьма страшного воззрения, высказанного в печати в первый раз Морозовым в брошюре «Террористическая борьба». Он видит в терроризме не явление, возникшее под влиянием ненормальных условий страны, не самозащиту или месть, но какую то «революцию sui generis» (стр. 260), делаемую «не массой народа», а «родом делегации, посланной (кѣм?) из глубины народа». В настоящее время вряд ли еще нужно доказывать неосновательность такого воззрения, которого, как известно, не придерживаются и теперь действующие террористы, и некоторые русские революционные писатели за границей. Желябов и Исаев заявили на суд, что брошюра Морозова вовсе не выражение мнения партии, а только личный взгляд на дело. Суханов в своей речи точно также доказывал, что не признает терроризма как систему. Наконец за границей, не говоря о выпущенной еще в прошлом году брошюре г. Драгоманова «Le Tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale», — князь Крапоткин в своей статье о революционном движении в России, помещенной в *Fortnightly Review* (реферированной в прошлом номере «Вольного Слова»), точно также провозгласил ту весьма основательную мысль, что терроризм — продукт правительственного деспотизма, самозащита людей, которых некому защищать. Нам кажется, что г. Стенняк, в виду упомянутого на лицо заявлений других террористов, должен был бы оговориться, что высказываемый им взгляд принадлежит ему лично, а не есть девиз партии, или по крайней мере должен был бы хотя указать итальянской публике на существование других воззрений деятелей партии террористов на этот важный пункт.

Для нас вообще остается непонятным, что собственно г. Стенняк называет террористической или революционной партией? В одном месте он заявляет, что русская революционная партия или, лучше сказать, воинствующая организация очень немногочисленна и ведет борьбу исключительно путем заговора (стр. 260—261), а затем прибавляет, что число лиц, разделяющих убеждения и желания революционеров, необыкновенно велико и может считаться миллионами. Эти люди («революционная страна», как выражается автор) «поручают (?) свои интересы, свою честь, свою ненависть и месть тем, кто из революции сделал свое исключительное занятие». Мы не совсем ясно по-

нимаемъ, употребляеть ли г. Стеннякъ выражение «поручаютъ» для красоты слога, многозначительно или въ прямомъ его значеніи? Если въ прямомъ значеніи, то численность революціонной партіи должна выражаться милліонами; если же это только фигуральное выраженіе, точно также какъ и названіе террористовъ «делегатіей, посланной изъ нѣдръ народа», тогда мы не считаемъ возможнымъ согласиться съ дальнѣйшими утвержденіями автора, тогда вопросъ станетъ совершенно иначе. Г. Стеннякъ въ такомъ случаѣ хочетъ сказать, будто въ Россіи не только существуетъ огромное число людей, недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей и желающихъ конституціи (ближайшей цѣли террористовъ), но и признающихъ единственнымъ способомъ дѣйствія въ данномъ случаѣ — способъ политическихъ убійствъ. Въ террористы не потому террористы, что желаютъ конституціи, а потому, что хотятъ достигнуть ея, терроризируя правительство. Степень сочувствія общества фракціи террористовъ, по нашему мнѣнію, весьма трудно опредѣлить. Приводя факты за такое сочувствіе, можно привести много фактовъ и противъ него. Въ самомъ дѣлѣ, если террористы находили себѣ убійство у членовъ «общества», то вѣдь еще большее число членовъ того же «общества» — послѣ убійства царя, напиримѣръ, тащило въ участокъ и било всякаго «подозрительнаго» челоѣка. Да и нѣтъ никакой нужды сочувствовать терроризму, чтобы дать убійщѣ челоѣку, преслѣдуемому по политическимъ причинамъ. Для этого достаточно, при извѣстномъ политическомъ образѣ мыслей, не быть шпіономъ и трусомъ. А съ другой стороны, мы видѣли, какъ на нѣтербургскихъ площадяхъ публично давили террористовъ. Корреспонденты заграничныхъ газетъ тряслись отъ негодованія, а въ толпѣ не нашлось никого, кто бы чѣмъ нибудь выразилъ сочувствіе мученикамъ или злобу на пьлапа палача.

Кто его разберетъ, чему и кому сочувствуетъ такое общество?!...

Но если сочувствіе «милліоновъ людей» способу борьбы террористовъ подлежитъ сомнѣнію, то еще болѣе сомнительно сочувствіе сознательной части общества конечнымъ цѣлямъ, т. е. якобинскимъ стремленіямъ террористовъ.

Чѣмъ кончится эта борьба? спрашиваетъ себя г. Стеннякъ — и весьма основательно отвѣчаетъ, что окончаніе ея зависить отъ поведенія самого правительства. Они думаетъ, что террористы не въ силахъ свергнуть правительство, но могутъ сдѣлать положеніе его невозможнымъ. Если правительство уступитъ требованіямъ революціонеровъ, тогда послѣдніе откажутся отъ борьбы, какъ это было ими обѣщано въ письмѣ къ Александру III. Если правительство уступки не сдѣлаетъ, тогда можно предвидѣть нѣсколько исходовъ. Революціонеры могутъ, по словамъ г. Стенняка, попытаться за административный терроръ, за «терроръ противъ правительственныхъ чиновниковъ въ массѣ» (стр. 277) — «и вся Россія покрывалась бы трупами» (стр. 278)... Пусть г. Стеннякъ подумаетъ, на чью голову обрушатся послѣдствія такого способа дѣйствія въ странѣ, гдѣ почти ни одинъ чиновникъ не представляетъ

идей правительства и гдѣ границъ между «обществомъ» и чиновничествомъ нельзя даже опредѣлить. Авторъ предвидитъ возможность и аграрнаго террора, считая его тоже однимъ изъ орудій, находящихся въ рукахъ террористовъ (мы совершенно отказываемся понять — почему?). Всѣ борцы за политическую свободу — говоритъ г. Стеннякъ — дѣйствующие въ настоящее время, — социалисты, не перестававшіе вести тайную пропаганду между городскими рабочими. Но вѣдь аграрный терроръ долженъ исходить изъ земледѣльческаго класса «самого несчастнаго и единственно многочисленнаго въ Россіи» (стр. 278). Раньше мы узнали, что пропаганда среди народа (т. е. земледѣльческаго класса) была оставлена по той причинѣ, что вести ее оказалось невозможно: слѣдовательно, террористическая партія имѣетъ связи только съ городскими рабочими. Авторъ же утверждаетъ, будто довольно одной искры, чтобы обратитъ ненависть народа (къ чиновникамъ, господамъ) въ огромный пожаръ, который разрушитъ государство и весь существующій экономическій строй, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «всякій отпечатокъ цивилизаціи». Почему головное возстаніе народа, совершенно подготовленная по той причинѣ, что вѣдь воспріятію идей научнаго социализма, вдругъ уничтожитъ всякій отпечатокъ цивилизаціи? Въ какомъ вмѣстѣнницѣ хранится у террористовъ — не имѣющихъ никакихъ связующихъ нитей съ народомъ — та искра, которая должна обратитъ народную ненависть въ пожаръ? И какъ это террористы въ одно и то же время и делегация, посланная изъ нѣдръ народа, и хранители «искры», т. е., укротители народныхъ страстей?

Наконецъ, авторъ предвидитъ возможность дворцовыхъ переворотовъ и военныхъ соупс d'Etat. «Если заговорщики будутъ союзниками ингилистовъ (зачѣмъ они заключать этотъ союзъ?), то они дадутъ свободу странѣ; если они будутъ орудіемъ «святой лиги», во главѣ которой стоитъ великій князь Владиміръ, то это будетъ только перемѣною деспотовъ» (стр. 281).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу «будущаго», предсказываемаго террористической партіи г. Лавровымъ въ его предисловіи къ книжкѣ г. Стенняка. Не входя въ разборъ другихъ исходовъ, которые можно предположить при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, мы спросимъ только, гдѣ же это будущее при одномъ изъ исходовъ, намѣчаемыхъ г. Стеннякомъ, если предположить, что взглядъ г. Стенняка на терроризмъ сдѣлается господствующимъ взглядомъ всей революціонной партіи? Если представитъ себѣ возможность побѣды терроризма, т. е., если правительство для своей же самозащиты рѣшится дать конституцію и если при этомъ на него не будетъ оказано давленія со стороны, то оно дастъ такую конституцію, какую захочетъ. Г. Стеннякъ говоритъ очень основательно, что только самъ народъ, свободно располагающій своей судьбой, можетъ улучшить свое положеніе, а указами этого сдѣлать нельзя. Дѣятельность террористовъ въ лучшемъ, по мнѣнію г. Стенняка, случаѣ окончится тѣмъ, что они вызовутъ исходящій отъ правительства реформы, на которыя — развѣ онѣ начаты — террористы, оставаясь

незначительной кучкой людей, никакого вліянія оказывать не могутъ. Если правительство свалится, благодаря массовому движенію — давленію ли со стороны земствъ и образованныхъ классовъ, или благодаря народнымъ волненіямъ, или военнымъ соупс d'etat, то мы опять не видимъ, гдѣ же «будущее» террористической партіи при той политической и практической программѣ, которую ей указываетъ г. Стеннякъ? Интересы какого класса людей, какой части общества могутъ представлять террористы, если они будутъ въ одно и то же время и социалистами, и конституционалистами, и якобинцами? Съ какой частью общества они могутъ быть органически связаны, если они будутъ людьми, «сдѣлавшими изъ революціи (т. е. заговоромъ, покушеній) свое исключительное занятіе, потому что при русскихъ условіяхъ не возможно оставаться въ рядахъ простыхъ гражданъ и заниматься одновременно социализмомъ и революціей» (стр. 260)? Какое же вліяніе можетъ имѣть весьма незначительное число людей, совершенно чуждыхъ органической связи съ обществомъ на огромную страну да еще бѣлыми нитками сшитую изъ нѣсколькихъ народностей? Въ этихъ случаяхъ обыкновенно указываютъ на такъ называемую «молодежь»; но вѣдь и молодежь по своему общественному положенію точно также не имѣетъ почвы подъ ногами. Она могла бы помочь только уличнымъ движеніямъ въ университетскихъ городахъ, значеніе которыхъ для Россіи и по мнѣнію г. Стенняка крайне ничтожно...

Мы этимъ не хотимъ сказать, что движеніе, которому г. Стеннякъ посвятилъ свою книгу, не имѣетъ будущности вообще, какъ равно мы не думаемъ отрицать его значенія въ прошедшемъ. Но тотъ безпрофессиональный, отщепенскій характеръ, какой имѣло повѣйшее соц.-революціонное движеніе въ послѣднее десятилѣтіе, надо признать осужденнымъ опытомъ. Будущее принадлежитъ движенію не отщепенскому, не безпрофессиональному революціонерамъ, которые естественно обращаются въ подпольныхъ революціонеровъ по профессіи, безсильныхъ внѣ своей узкой сферы, а движенію земскому, руководимому людьми полезнаго землѣ труда, людьми, извѣстными землѣ....

ДВА КОНГРЕССА СОЦИАЛИСТОВЪ.

(Окончаніе).

О политической программѣ федераціи центра мы скажемъ лишь нѣсколько словъ. Подробный анализъ ея былъ бы невозможенъ уже потому, что она сформулирована въ высшей степени коротко и неясно. Нѣкоторыя выраженія, какъ, напр., «завоеваніе власти» или «завладѣніе общественными силами, чтобы заставить дѣйствовать ихъ на пользу производителей», заставляютъ предположить, что члены федераціи центра стремятся къ диктатурѣ, т. е. думаютъ осуществить идеалы социализма при помощи декретовъ и сильной централизованной государственной власти, которую они заберутъ въ свои руки.

Еслибъ элементъ государственной власти былъ единственнымъ или главнымъ факторомъ историческаго процесса, еслибъ со-

временный строй былъ только продуктомъ произвола разныхъ правителей, диктаторовъ, королей, царей и проч., то тогда диктаторскія стремленія федераціи центра были бы вполне умѣстны и рациональны; тогда вся политическая задача социалистовъ дѣйствительно сводилась бы къ тому, чтобы на мѣсто Петра посадить Ивана, который упразднилъ бы порядки, введенные его предшественникомъ, и перестроилъ бы все на свой ладъ. Но будто бы всему скверному виной только одни правители, такъ что тутъ клинъ приходится выбивать клиномъ? Развѣ мы, простые смертные (тѣ, которыхъ называютъ то подданными, то гражданами) или по крайней мѣрѣ наши предки не столько же, если не больше, повинны въ печальномъ положеніи человѣчества? развѣ не мало мы ему причинили бѣдъ своей глупостью, своимъ неумѣствомъ и всеми низкими сторонами нашей натуры?

Мы знаемъ, какое глубокое вліяніе на политическую и экономическую жизнь человѣчества перѣдко производятъ факторы, лежащіе внѣ предѣловъ всякой государственной сферы. Сюда относятся все проявленія народной, общественной и личной самодѣятельности, часто идущія наперекоръ желаніямъ и волѣ правителей; новыя идеи прогрессивнаго и гуманнаго характера, которыя, не смотря на все естественныя и искусственныя препятствія, иногда необыкновенно быстро распространяются въ человѣчествѣ, приготовляя почву для великихъ переворотовъ; открытія наукъ, изобрѣтенія техники и проч. и пр. Развѣ такія явленія, какъ христіанство, какъ реформація, какъ философія XVIII столѣтія и современная наша наука или какъ открытіе Америки, изобрѣтеніе пороха, книгопечатанія, ткацкаго станка, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ — не въ тысячу разъ богаче экономическими и политическими послѣдствіями, чѣмъ все декреты въ мірѣ разныхъ реакціонныхъ и революціонныхъ Петровъ и Ивановъ, чѣмъ удары кинжала, наносимые Цезарямъ и Маратамъ рукою Брутовъ и Кордѣ?

Политическая задача социалистической партіи представляется намъ совершенно въ другомъ видѣ. Мы думаемъ, что она должна заключаться не въ «завоеваніи власти», а въ «завоеваніи свободы», въ отбѣи искусственныхъ преградъ къ правильному развитію естественныхъ социальныхъ группъ — преградъ, всюду поставленныхъ государствомъ. Возможно полная свобода личности и группъ, возможно широкая децентрализація всехъ государственныхъ функций и возможно большая автономія сельскихъ общинъ и городскихъ муниципалитетовъ — таковъ долженъ быть, по нашему мнѣнію, политическій девизъ социалистовъ и рабочихъ партій. Политическая свобода — не фиктивная, сводящаяся къ какому нибудь *suffrage universel* въ централизованномъ государствѣ, а настоящая, фактическая — неизбѣжнымъ образомъ доставить рабочимъ и ту силу, которой они до сихъ поръ тщетно добиваются. Для этого имъ достаточно будетъ организоваться — успѣхъ-же организаціи обезпечивается уже численностью ихъ, какъ сословія.

Что касается муниципальной программы

федерации центра, то, принявъ во вниманіе отношеніе къ ней самихъ же ея составителей, мы совершенно отказываемся понять ея *raison d'être*. Признавъ необходимость «завоеванія муниципальной власти» и указавъ на тотъ многозначительный фактъ, что съ этого завоеванія «буржуазія начала дѣло своего освобожденія, чѣмъ нанесла феодалному міру смертельный ударъ», федерация центра представляетъ длинный списокъ реформъ, которыхъ нужно требовать отъ муниципалитетовъ и которыхъ она какъ бы придаетъ значеніе переходныхъ ступеней отъ буржуазнаго строя къ строю социалистическому. Но тутъ же слѣдуетъ оговорка, изъ которой мы узнаемъ, что вся эта подробная программа муниципальной борьбы не болѣе, какъ простая демонстрація, и что авторы ея не вѣрятъ въ ея осуществимость! Они категорически заявляютъ: «какія бы то ни было матеріальныя улучшенія не могутъ быть прочны и плодотворны, пока существуетъ экономическій порядокъ, основанный на капитализмѣ и салиаріатѣ»... «буржуазія, пока она держитъ въ своихъ рукахъ центральную государственную власть, воспротивится силой мирной эволюціи пролетаріата путемъ муниципальных реформъ и тѣмъ болѣе санкционируетъ право эксплуатируемыхъ на революціонный способъ дѣйствія, чѣмъ болѣе требованія ихъ будутъ справедливы и чѣмъ съ болѣе грубостью они будутъ отвергнуты».

Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ говорить о прогрессивномъ налогѣ, у муниципальных булочныхъ и мясныхъ, о постройкѣ для рабочихъ здоровыхъ помѣщеній? Не прощелъ прямо требовать коммунистическаго строя и экспроприаціи всехъ средствъ производства въ пользу рабочихъ? Абстрактную справедливость этого требованія охотно признаютъ даже многіе буржуа (они указываютъ только на его неосуществимость, утопичность), а грубость отказа — которая почему-то такъ нужна членамъ федерации центра — при такомъ требованіи будетъ, конечно, максимальной...

Мы думаемъ, что только тѣ программы могутъ вообще имѣть серьезное значеніе — даже какъ средство агитаціи, — въ осуществимость которыхъ партія вѣритъ самымъ нескрѣпнымъ образомъ. Извольте-ка агитировать въ пользу фикцій — вещи заведомо несбыточной! Кто пойдетъ со страстью на такую агитацію и кого она увлечетъ? Стоить бросить бѣглый взглядъ на требованія реформъ, заключающіяся въ муниципальной программѣ федерации центра, чтобы убѣдиться въ томъ, что многія изъ нихъ даже при всемъ добромъ желаніи не могли бы быть приняты современными французскими муниципалитетами, права которыхъ, вслѣдствіе полной зависимости ихъ отъ центральной власти, равняются, какъ извѣстно, нулю. Вмѣсто того, чтобы обращаться къ этимъ бѣднымъ муниципалитетамъ съ совершенно невозможными для нихъ требованіями, разсчитывая только на демонстрацію и на «грубость» отказа, не резоннѣ ли было-бы позабиться сначала о доставленіи широкой автономіи сельскимъ и городскимъ общинамъ во Франціи, а потомъ уже представлять имъ проекты реформъ, необходи-

мыхъ и осуществимыхъ въ данный моментъ?

Не смотря на все свои недостатки и противорѣчія, программа федерации центра можетъ все таки считаться отраднымъ явленіемъ, какъ попытка перейти на практическую почву. Въ этомъ отношеніи несравненно болѣе грустное впечатлѣніе производятъ пренія на конгрессѣ Юрской федерации, отъ которыхъ вѣетъ какой-то доктринерной затхлостью и застоємъ, фатально влекущими партію къ упадку.

Извѣстно, что Юрская федерация сложилась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Бакунина и всегда оставалась вѣрной представительницей чистаго анархизма и ультра-революціоннаго социализма. Въ эпоху, когда теоретическіе вопросы стояли на первомъ планѣ, Юрская федерация энергичной и талантливой проповѣдью своихъ идей на митингахъ, конгрессахъ и въ періодической социалистической прессѣ стяжала себѣ почетное и вполне заслуженное мѣсто въ лѣтписяхъ Интернаціонала. То была пора процвѣтанія федерации. Исполняемые вѣры въ ея ученія, около нея группировались лучшія силы того времени, люди революціоннаго темперамента, глубоко преданные народу, чувствовавшіе истинноотное отвращеніе къ власти, ко всякому оппортунизму и компромиссу съ ненавистной дѣйствительностью, люди убѣжденные, что, этотъ компромиссъ возможно обойти. Быстро миновалъ этотъ блестящій періодъ. Исчерпавъ все теоретическіе вопросы, Юрской федерации теперь предстояло заняться ихъ практическимъ осуществленіемъ, и тутъ то начался для нея періодъ упадка, продолжавшійся и до сихъ поръ... Мы не будемъ распространяться о причинахъ этого упадка, о которыхъ мы уже говорили раньше. Читатель припомнитъ, что, по нашему мнѣнію, анархистовъ (значитъ, и Юрскую федерацию) погубили главнымъ образомъ доктрина политическаго и экономическаго невмѣшательства и исключительно революціонное направленіе, которое мыслимо для массъ только въ рѣдкія минуты сильнаго общественнаго броженія, а въ пѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., въ Швейцаріи (гдѣ, къ несчастію своему, находится Юрская федерация) даже совершенно невозможно. Попробуйте организовать аграрный терроръ гдѣ нибудь въ Вадекомъ кантонѣ, вооруженное возстаніе (хоть въ родѣ беневонтскаго) въ бернскомъ Оберландѣ и взятіе ратуши съ объявленіемъ коммуны въ Женебѣ или въ юрскихъ горахъ, напр., въ Локлѣ или Шо-де-фонѣ! Кто знаетъ Швейцарію, эту всемірную гостиницу всехъ иностранцевъ, и швейцарцевъ, этихъ вполне довольныхъ своими экономическими и политическими условіями флегматиковъ, тотъ пойметъ всю нецѣльность исключительно революціоннаго способа дѣйствія въ такой странѣ и среди такого народа.

На конгрессѣ Юрской федерации, собравшемся 4 іюня въ Лозаннѣ, разбирался слѣдующіе три вопроса*):

1. Агитація въ пользу интегральнаго образованія.

*) Заимствуемъ свѣдѣнія о конгрессѣ изъ официального отчета о немъ въ 8, 9 и 10 номерахъ «*Révolte*».

2. О корпоративных рабочих союзах.
3. О средствах пропаганды и агитации вообще.

Не имея возможности передать подробно все, что было сказано на конгрессе, мы ограничимся сообщением нескольких наиболее характерных выдержек из речей ораторов и, не называя их поименно, просто разделим их на две категории: на ораторов-еретиков, или, лучше, новаторов (читатель увидит, как слабо и перфидно было их отклонение от правоты), желавших видоизменить стереотипной анархической программы, и на ораторов-правотных, отстаивавших некие догматы своей федерации.

Говоря о первом вопросе, ораторы-новаторы согласились предварительно, что интегральное образование мыслимо только после неспроверженной существующих учреждений, т. е. после социальной революции, но признали все-таки вопрос о нем хорошим средством агитации: «Нужно объяснить рабочим всю несостоятельность образования, получаемого его детьми. Нужно говорить им, что они должны рассчитывать только на себя, что они должны принять меры для изыскания системы воспитания» (какие же меры они могут принять, если интегральное образование осуществимо только после социальной революции?). На это правотные ораторы возражали: «мы не должны упускать из виду нашего врага — собственность, без уничтожения которой не может быть речи об интегральном образовании. Мы должны хорошо знать, чего мы хотим, чтобы действовать в этом смысле в день грядущей революции, и только с этой точки зрения: нам и следует изучать разные вопросы». Один из новаторов высказал мнение, что нельзя же все откладывать на день революции. Если интегральное образование теперь неосуществимо, то нужно заняться вопросом о профессиональном обучении детей рабочих, осуществление которого было бы возможно, если бы рабочие союзы принудили к тому коммунальные власти. Ответ правотных анархистов был таков: «мы не должны ни под каким видом обращаться к государству и к коммунам. Нам нечего требовать от власти, в каком бы виде она нам ни представлялась. Предположим, что коммуны под влиянием рабочих союзов устроят профессиональные школы. Будет ли обучение в этих школах свободным? Не сделают ли из наиболее способных учеников маленьких тиранов, дрессируя их для роли приказчиков и начальников мастерских, которые будут врагами рабочих и худшими врагами для нас, социалистов?» «Будем просто учить других тому, что мы знаем, чему нас научили. Но будем остерегаться власти. Иначе, обращаясь к государству и к коммунам, может случиться, что в один прекрасный день мы вдруг проснемся(?) дупутатами». По первому вопросу было постановлено следующее решение: «Конгресс того мнения, что без уничтожения частной собственности и государства, всякая агитация в пользу интегрального образования всегда будет призрачной (illusoire)».

Второй вопрос. «С точки зрения анархической — так выражались ораторы из новаторов — рабочий союз войдет, без сомнения, основным элементом в будущую свободную социальную организацию. В день революции он будет регулировать производство и заведывать орудиями труда. Для того, чтобы рабочие могли выполнить эту задачу, их нужно приучить к ней теперь, при помощи того же корпоративного союза (заметьте, что рабочие, которых ораторы хотят «приучать», организовали свои союзы не только совершенно самостоятельно, но даже против воли анархистов, по крайней мере их правотной фракции — как мы в том убедились сейчас). Рабочие ощущают потребность в такой организации, и существующие союзы этого рода, как они ни плохи, могут тем не менее послужить средством научить рабочих администрировать свои дела. Пусть товарищи наши, которые часто чувствуют отвращение к поступлению в члены рабочих союзов (в том-то и беда!), поступают туда для распространения коммунистических идей, для пропаганды федерации всех существующих рабочих групп, чтобы приблизить по возможности день наступления социальной революции»... «Нужно также организовать смешанные синдикальные камеры»... «Нельзя сказать, чтобы агитация на почве исключительно социальных и индивидуальных интересов была бы очень согласна (soit bien d'accord) с нашими революционными принципами (стало быть, или она нигде не годится, или нужно открыто признать необходимость изменения принципов), но в ней мы по крайней мере не играем в руку государства и коммуны»... Другой оратор-новатор высказал вполне резонное мнение, что «социалистическая пропаганда часто не удается потому, что ее ведут недостаточно осторожно и слишком поспешно, так, напр., в вопросе о синдикальных камерах ничего нельзя делать, ставши сразу на социалистическую почву. Рабочие скажут: «да все это мы отлично знаем — давно уже ведете вы эту пропаганду». Чтобы иметь успех, нужно придерживаться исключительно организационной деятельности, не входя сначала в прения по поводу социального вопроса. Позже, когда группы будут организованы, вопрос можно поставить шире». На все эти еретические мнения, ответ правотных анархистов был категорический: «Основывать ремесленные союзы было бы плохим занятием. Организуя новые рабочие корпоративные группы, мы должны будем становиться в уровень понятий, часто весьма узких, в уровень предрассудков, распространенных среди рабочих. Но если не нужно организовывать новых ремесленных групп, то необходимо входить уже в существующие *corps de métiers* (неумное и чисто агитационное вхождение может только дезорганизовать их), чтобы бороться там против предрассудков и ставить вопросы не с точки зрения будущего ремесленного союза, а с точки зрения эмансипации рабочих». Решение конгресса по такому важному и животрепещущему вопросу, как во-

просе о рабочих союзах, отличается поразительной доктринерной мертвенностью и неопределенностью, отымающей у него практическое значение: «Конгресс, признавая великую пользу всякой рабочей организации, как силы сопротивления, считает себя солидарным со всякой гневной и со всякой(?) борьбой на экономическом почве».

По третьему вопросу сначала говорили больше правотные ораторы. «Необходимо вести пропаганду в деревнях. Для этого нужно, чтобы те, которые займется такой пропагандой, имели бы кое-какие агрономические познания, так как им придется устранять для крестьян практические конференции по вопросам земледелия»... «В деревнях часто не обращают должного внимания на особенности почвы и на землю, превосходной, напр., для ржи, съедают по невниманию другое растение(!). Нужно, следовательно, учить крестьян земледелию(!), и убедить их в необходимости уничтожить заборы между отдельными участками для превращения личной собственности в общественную»... «Необходимо издавать брошюры для пропаганды среди крестьян. В этих брошюрах, с целью заинтересовать читателей, нужно говорить о земледельческих работах, давать разные практические советы... Можно издавать газету для крестьян». — Под конец произнес речью оратор с оттенком новаторства. Он советовал рядом с пропагандой анархических идей заниматься также борьбой на коммунальной почве, как средством агитации. «Не даром все три вопроса были поставлены вместе в *ordre du jour*: образование для удовлетворения умственных потребностей, ремесленный союз для удовлетворения экономических нужд, коммунальная агитация для решения других вопросов»... «Мы, анархисты, всегда остаемся в области теорий; постараемся осуществить на практике наши идеи, где это возможно. Борясь против государственной власти во всех ее формах, мы слишком пренебрегаем борьбой против власти муниципальной, хотя последняя есть корень первой... Коммуна будет существовать и в социальном строе, которого мы добиваемся. Совокупность жителей коммуны гарантирует вооруженной рукой ремесленным союзам свободное пользование орудиями труда, социализованными революцией. Если мы не сделаем все возможное для разрушения муниципальной власти посредством энергичной агитации, то она *de facto* завладеет общественной собственностью(?), а отсюда только шаг — и неизбежный — к порабощению народа при режиме государственной национальной собственности. В коммуны лучше, чем в государственном механизме, народ понимает дружны, заставляющие правителей действовать так или иначе. Он легко поймет, что в коммуны он может сам заправлять всеми своими делами. Побудим его сде-

*) Это в Швейцарии — то разрушать заборы, где, напр., владелец виноградника имеет по закону право убить из ружья всякого человека, забравшего в его виноградник во время созревания плода, и где правом этим пользуются далеко не редко! Так, недавно был убит один мальчик в вадском кантоне.

лать это, испровергнуть муниципальные и административные совѣты, устроить свои дѣла безъ всякаго посредника. Государство является, конечно, на помощь муниципальной власти, и народъ пойметъ сейчасъ, что для добыванія свободной коммуны нужно, испровергнуть государство — естественнаго врага свободы группъ и личностей». Ораторъ сообщилъ, что почти всѣ товарищи, которымъ онъ говорилъ о своемъ предложении передъ конгрессомъ, оспаривали идею борьбы на коммунальной почвѣ; но «онъ увѣренъ, что это случилось по недоразумѣнью, ибо они возставали противъ того, противъ чего онъ самъ возстанетъ рѣшительнымъ образомъ — противъ муниципальных выборовъ». «Само собою понятно, что мы сможемъ разрушить авторитарныя учреждения не выборами, а только силой». Такимъ образомъ, мнимое новаторство оратора свелось въ концѣ концовъ къ нулю и онъ пришелъ къ той-же исключительной революционной постановкѣ вопроса, которую постоянно проповѣдуютъ анархисты и которую они никогда не могутъ привести въ исполненіе. Не знаемъ, что ему отвѣтили другіе ораторы (на этотъ счетъ въ отчетахъ ничего не сказано); знаемъ только, что рѣшеніе по третьему вопросу было постановлено самое банальное: «Конгрессъ признаетъ настоятельную необходимость (urgence) всѣхъ способовъ дѣйствія, словомъ, печатью и фактами, и рекомендуетъ всѣмъ товарищамъ ревностную и непрерывную пропаганду, особенно среди нашихъ братьевъ — крестьянъ».

И такъ правотворные анархисты восторжествовали на всѣхъ пунктахъ и спасли свой символъ вѣры отъ всякихъ измѣненій. Но спасли ли они Юрскую федерацію отъ прогрессивно усиливающегося маразма?

На конгрессѣ было прочтано еще длинное письмо князя Крапоткина, одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ Юрской федераціи. Выдержки изъ письма были напечатаны въ № 10 «Révolte», жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести цѣлкомъ этихъ интереснѣйшихъ выдержекъ. Мы сообщимъ только наиболѣе существенную часть заключеній, которымъ авторъ заканчиваетъ свое письмо.

«Юрская федерація — говоритъ князь Крапоткинъ — не должна ничего измѣнять въ своей программѣ, ни одной буквы. Наоборотъ, она должна сохранить программу въ абсолютной чистотѣ. Этого требуютъ интересы всей социалистической партіи... Худшій періодъ затиханія уже пройденъ: дѣло идетъ теперь къ развязкѣ (débâcle), а развязка мѣняетъ знамя наканунѣ сраженія? Но что намъ нужно оставить, это нашу вялость (lassitude). Исторія намъ повѣдуетъ, подъ страхомъ быть разбитыми или сдѣлать революцію для прусскаго короля, напрячь теперь же всѣ наши силы и ввести въ нашу программу непосредственнаго дѣйствія — которая до сихъ поръ была только программой теоретической пропаганды — агитацию на почвѣ экономической» (если ее нужно «ввести», то развязка это не измѣненіе программы, но нарушеніе «абсолютной чистоты» принциповъ?) — Что

же понимаетъ князь Крапоткинъ подъ агитацией на почвѣ экономической? Все, что онъ говоритъ по этому поводу, заключается въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ: «Что намъ нужно — это самопроизвольная дѣятельность, вытекающая изъ протестовъ рабочихъ, изъ самаго положенія вещей — дѣятельность, въ которой мы, организованный элементъ, должны быть только выраженіемъ чувствъ, воодушевляющихъ массу рабочихъ (отъ которой, замѣчу мимоходомъ, мы слишкомъ изолировались въ ежедневныхъ нашихъ сношеніяхъ)».

Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ трудно составить себѣ ясное понятіе о томъ, чего собственно хочетъ князь Крапоткинъ. Однако такіа выраженія какъ «самопроизвольная дѣятельность, вытекающая изъ самаго положенія вещей» и «организованный элементъ» — терминъ, примѣняемый авторомъ къ анархической партіи, противолѣгая ея, по видимому, не организованному элементу массы рабочихъ, — наводятъ на мысль, что авторъ понимаетъ агитацию на почвѣ экономической далеко не въ томъ единственно вѣрномъ и плодотворномъ, по нашему мнѣнію, смыслѣ, который предполагаетъ серьезное участіе въ организаціи корпоративныхъ рабочихъ союзовъ. Сглаго бытъ, и князь Крапоткинъ, если мы не ошибаемся, является — подобно ораторамъ конгресса — первостепеннымъ новаторомъ, предлагающимъ только полу-мѣры.

Намъ кажется, что для Юрской федераціи и для анархистовъ единственное средство сблизиться съ массой рабочихъ (отъ которыхъ они «изолированы», по сознанию самого князя Крапоткина), не быть «разбитыми», не «сдѣлать революцію для прусскаго короля» и выйти изъ «анатинъ» — заключается въ томъ, чтобы въ сферѣ экономической стать на почву корпоративной организаціи рабочихъ, а въ области политическихъ вопросовъ принять принципъ вмешательства съ цѣлью проведенія послѣдовательной федеративной программы. Такое измѣненіе программы было бы, по нашему мнѣнію, не нарушеніемъ чистоты принциповъ, а естественнымъ превращеніемъ первоначальнаго анархизма, его эволюціей подъ вліяніемъ историческихъ условий и требований времени. Мы убѣждены, что рано или поздно эта эволюція совершится.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Петербургскій корреспондентъ лондонской «Times» передаетъ случай до того ужасный, что слѣдовало бы усомниться въ его достоверности, если бы театромъ дѣйствія не была резиденція императора всероссійскаго.

«Въ субботу (12/2 июля), прогуливаясь по парку, царь засталъ за работою нѣсколько чернорабочихъ или садовниковъ. Онъ сдѣлалъ знакъ одному изъ этихъ людей, чтобы тотъ подошелъ. Рабочій, оставивъ орудія, пошелъ навстрѣчу, но едва приблизился къ государю, какъ упалъ мертвымъ, сраженный пулею одного изъ служащихъ».

«Послѣдній не замѣтилъ, что царь сдѣлалъ знакъ рабочему, и привелъ въ исполненіе приказъ стрѣлять по всякому постороннему лицу, которое пошло бы приблизиться къ императору. Государь тотчасъ же озабочился о призрачнѣйшемъ семействѣ несчастнаго рабочаго».

Несчастенъ не одинъ рабочій и его семья, а весь народъ русскій, который поголовно отданъ на разстрѣливаніе еще небывалымъ въ Россійской имперіи приказомъ. Стрѣлять по всякому встрѣчному, какъ по дикому звѣрю! Да это нигдѣ не слыхано,

сколько мѣръ стоитъ! А московскій кликуша, знай, причитывать о едипеніи царя съ пародомъ! Безумцы!

Развѣ только Воронцовъ-Дашкову да предводимой имъ «охранѣ» могло придти въ голову, что ограбить царя отъ покушенія на его жизнь можно отпугиваніемъ отъ него народа! Да и какъ самому самодержцу не сообразить, что коль скоро народъ, заслышавъ приближеніе своего государя всемогущества въ шагъ, станетъ разбѣгаться отъ него во всѣ стороны, куда глаза глядятъ, то тѣмъ самымъ заявить свою волю порвать всякую связь съ главою царствующей династіи, въ ужасѣ сторонясь отъ насилій царской опричнины, самого царя поставить вѣрѣ закона, т. е. вѣрѣ всякаго права на охрану тѣмъ бы то ни было?

Проникшіи въ иностранные газеты слухъ о сношеніи караула Петропавловской Крѣпости съ политическими заключенными и о его сочувствіи революціонному дѣлу въ настоящее время уже подтверждены официально. Въ русскихъ газетахъ напечатано слѣдующее извѣстіе, не сопровождаемое никакими объясненіями: «По высочайше утвержденному приговору петербургскаго военно-окружнаго суда, бывшій смотритель алексѣевского равелина петербургской крѣпости, нынѣ состоящій по армейской канцеляріи, подполковникъ Филимоновъ, за преступленіе, предусмотрѣнное 145-ю ст. XXII кн. св. в. п. 1869 года (п. 2-го) лишается чина, медали въ память войны 1853—1856 годовъ, всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылается на пять въ Архангельскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіи двухъ лѣтъ».

Изъ антагонизма политикѣ своего предшественника новый министръ внутреннихъ дѣлъ оказалъ нѣкоторую справедливость еврейскому населенію имперіи: восстановлено министерское распоряженіе отъ 3 апрѣля 1880 года за № 30-мъ, которымъ предложено губернаторамъ «не прибѣгать къ высылкѣ изъ вѣренныхъ имъ губерній тѣхъ живущихъ въ нихъ евреевъ, которые окажутся не имѣющими права на жительства въ черты еврейской осѣлости». Странно только, что права цѣлаго племени устанавливаются министерскимъ циркуляромъ, не имѣющимъ силы закона, а потому и могутъ быть легко отняты другими такими же циркулярами, какъ мы и видѣли тому возмутительный примѣръ въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Игнатъева. Вотъ почему всѣ благомыслящіе люди, которыхъ московскимъ публицистамъ не удается сбить съ толку, продолжаютъ настаивать на необходимости правового порядка, т. е. на епархіи и на признаніи закономъ неотъемлемыхъ правъ человѣческой личности.

Иностранная газета сообщаетъ о назначеніи административной онеки падъ в. кн. Николаемъ Николаевичемъ старшимъ. Административная онеки падъ фельдмаршаломъ и инспекторомъ канцеляріи. Видано ли что либо подобное въ цивилизованныхъ государствахъ?

По свѣдѣніямъ Фоссовой газеты, разборъ дѣла о сношеніяхъ террористовъ съ нижними чинами караула Петропавловской Крѣпости будетъ назначенъ въ августѣ или сентябрѣ.

Сообщенное нами извѣстіе о назначеніи на мѣсто дѣйств. ст. сов. ф. Плева директоромъ государственной полиціи сенатора Лаге оказывается преждевременнымъ.

Намъ сообщаютъ, что княгиня Юрьевская внесла 8 милліоновъ марокъ за погребеніе бывшего короля Ганноверскаго и перевела все свое состояніе въ Россію за границу. О нѣкоторыхъ политическихъ замислахъ этой особы мы надѣемся скорѣе сообщить читателямъ «Вольнаго Слова».

Опечатки въ статьѣ «Капитализмъ въ Россіи»
«Вольнаго Слова», № 41.
Стр. Столб. Строка Печат. Читай
14 3 21 снизу anschauen anschauen
15 1 23 сверху der Doecher den Doecher
Genève. Imprimerie de la Parole libre, chemin Danco, 15